

Тайшет

литературный

Вячеслав Архипов

Рассказы

Тайшет

Как я не стал охотником

Родился я в деревне. И, хотя, мы переехали в город, когда мне было шесть лет, на каждое лето я приезжал в деревню, где у меня жили бабушки и дедушки и другие родственники.

Деревня была небольшая, но наша и, как всё своё, очень любимая. Здесь все знали друг друга, отношения были разные, но вражды не было. И если кто кого и не любил, то терпел. А детям и вообще делить было нечего, поэтому они в основном дружили друг с другом. Ребятишки росли самостоятельными, особенно, мальчишки. Такие маленькие мужички. Наравне со взрослыми делали домашние дела: кололи дрова, носили воду, помогали садить и ухаживать за огородом, заготавливать сено и многое другое. Ходили за ягодами и грибами.

Лес был рядом, сразу за огородами, поэтому ходили все, и никто не боялся. Бывали случаи, что женщины, ходившие за клюквой на болото, блудили там. Болото было не простое – мало заходов и мало выходов. Если кто не знал выхода, мог ходить по кругу, натываясь на топь. Заблудившихся, находили и выводили из ловушки. Случаев, чтобы заплутали ребятишки, даже небольшие, я не знал. Пацанам сходить в лес на охоту, да ещё и с ружьём, было особым шиком. И ходили. Кому родители не запрещали открыто, другие тайком. Нам с Толиком было по восемь лет, мы были взрослые, знающие и решительные. Наше желание стать охотниками и пойти на промысел было основательным, хотя с этим не все согласились бы. Мы решили потихоньку стащить ружьё, зарядить патроны, и тогда держись лесные обитатели.

Ружьё висело в сенцах дедовского дома. Там же в шкафу были и заряды. Их никто не прятал – нужды не было. Дед мой ружьё в руки не брал, а его младшие сыновья, мои дядья уже в разрешениях не нуждались.

– Пойдём, – сказал я Толику. Заходили со стороны огорода. У нас был план, и мы чувствовали уже себя знатными охотниками.

– Сейчас посмотрю где дед с бабушкой, а потом потихонечку возьмём ружьё и всё, – прошептал я и, мы вошли в сенцы.

Открыв дверь, я увидел деда, сидевшего у окна и смотревшего на улицу.

– Дед, а где баба?

– А на что тебе бабка? – дед подозрительно посмотрел на меня.

– Так просто.

– В магазин пошла, скоро будет.

– Ладно, я пойду, погуляю.

– Кто ж тебя держит? – дед опять уставился в окно.

– Давай быстрее, – сказал я Толику. – Пока никто не видит.

Двор показался нам очень большим. Я нёс ружьё, Толик сумку с зарядами. Патроны мы решили заряжать в бане. Баня была очень старая, топилась по-чёрному и поэтому стояла посреди огорода, подальше от других построек. Такие бани часто горели, у них не было печек, а посреди помещения стоял очаг на котором располагалась большая куча камней. Под ними разжигали огонь, пламя нагревало камни и помещение. Дым выходил через отверстие в стене, которое, после того, как баня протапливалась и проветривалась, затыкалось чем-нибудь подручным.

И вот мы уже были в безопасности, сидели в предбаннике довольные, просто сияли от счастья. Ружьё определили в угол, а сумку со всем содержимым поставили на скамейку.

– Давай посмотрим, что там есть, – сказал Толик.

– Давай, – согласился я и стал вытаскивать гильзы, порох, дробь и всё остальное.

– Ты умеешь заряжать? – спросил я.

– Умею, – Толик уверенно взял небольшое шильце и стал выбивать стреляные капсули. Занятие не трудное. Шило сделано по размеру гильзы, точно в середине находился тонкий гвоздь без шляпки. Шило вставлялось в гильзу, несильный удар о скамейку и капсуль вылетал с лёгким щелчком. Вскоре первое дело было закончено, и можно начинать самое главное – заряжать.

– Сначала нужно поставить капсуль, чтобы потом патрон не выстрелил, – сказал я с видом знатока.

– Знаю, сейчас и будем забивать.

– Вот, – я протянул небольшую коробочку из картона. Там, отливая краснотой, поблёскивали капсюли. Толик взял один и стал маленьким молоточком забивать его на место. У нас получилось. Настроение становилось всё лучше.

– Можно я стрельну первым? – спросил Толик.

– Сейчас?

– Нет, когда пойдём на охоту.

– Там видно будет, – сказал я, мне тоже хотелось выстрелить первым, и добавил:

– Ружьё будем носить по очереди.

Вот и наступил очередной важный этап нашего мероприятия – засыпать порох.

– Будем сыпать мерку или чуть больше? – я знал, что если пороху больше, то и выстрел сильнее.

– Нет, – возразил Толик, – не надо, ружьё может раздуть.

– Да?

– Да, – подтвердил он, – а если раздует ствол, ружьё будет бить не точно.

– Тогда не будем больше, сыпь ровно.

Меркой, сделанной из обрезанной гильзы, мы аккуратно засыпали порох в патроны пыжевали его кусками газеты.

– Дробь сейчас будем сыпать или потом? – спросил я.

– Потом. Сейчас порох зарядим, а потом дробь.

Усердно сопя, старательно отмеряя порох, мы старались делать своё дело не торопясь, с достоинством. Серьёзное дело не терпит спешки.

– У нас десять патронов, давай поделим их поровну? – предложил мой напарник.

Я согласился. Мы довольные, что у нас всё так гладко получается, весело болтали о том, как мы сейчас пойдём в лес, как добудем что-нибудь особенное: может зайца или лису, а может трофеей будет и ещё больше. Запыжёвывая дробь, мы уже в мыслях были там, среди лесных тайн, как вдруг...

– Чегой-то вы тут делаете? – в дверном проёме стоял мой дед.

Он был нрава крутого, мог спокойно надавать нам подзатыльников, несмотря на то свои мы или чужие. Но я его не боялся, хотя и опасался немного. Дед меня никогда не трогал в отличии моих дядьёв, которым частенько перепало и за охотничьи

пристрастия тоже. Когда вместо того, чтобы копать картошку они убегали в лес гонять белок и бурундуков, возвращаться было опасно.

Дед лупил всем, что попадало под руку.

– Вы куда собрались? – спросил он.

– На охоту, – неуверенно ответил я.

– Охотнички, – буркнул он, молча, скидал всё в сумку, забрал ружьё и, молча, ушёл. Мы сидели оглушённые. Старались не смотреть друг другу в глаза и молчали. Не было ни обиды, ни жалости, ничего, пустота. Наконец мы поднялись и вышли из предбанника.

– Пойдём ко мне, – предложил Толик, – я знаю где папка прячет «тозовку», возьмём и пойдём в лес.

– Пойдём.

Мы шли прямо через огороды, прямо по картошке, шли понутив головы, ничего не замечая. Толик зашёл домой, взял мелкокалиберную винтовку и пачку патронов. Едва зайдя в лес, мы расстреляли все патроны по кустам, по шишкам. Возвращались тоже молча.

Радости не было. Наше охотничье самолюбие было растоптано, и потихоньку приходила обида.

– Папка твой ругать тебя будет, – сказал я.

– Будет, – согласился Толик.

Январь 2008 г.

Как я в последний раз не стал охотником

Пришла осень. Не лучшее время для ребятишек. Конечно, школа это хорошо, но жалко, что лето быстро кончается, хотя оно у детей длится дольше, чем у взрослых. У взрослых всё проходит быстрее.

Кончились каникулы, и наступил сезон охоты. У меня не находилось больше желания стащить ружьё и умотать в лес. И, вообще, у меня не было желания охотиться,

но случилось вот, что: Мой дядя Иван, который старше меня на семь лет, считался в свои годы неплохим охотником, раздолбаем и хулиганом, сказал мне:

– Хочешь, вместе пойдём на охоту?

– Да, – затаив дыхание, сказал я. Дядя Иван для меня был скорее старшим братом, чем дядей, и я звал его просто Ваней. В доме у бабушки всегда были то белки в клетках, то разные птицы или другая живность. Всё это добывал и приносил Иван. Однажды он притащил подраненного филина, который благополучно прожил зиму и по ночам гонял по дому мышей, пока дед не удумал влить в него ложку самогона. Филин не выдержал этого и издох. Ещё в более раннем детстве я уже ходил с ним на охоту. Мне было тогда года четыре или пять. Из всей охоты я помню, что меня сильно жрали комары, и когда я на сучке сильно поранил ногу, Ваня на себе тащил меня до дома. И вот сейчас настал момент истины, быть или не быть мне охотником.

– Там ружьё твоего отца висит, ты возьми его, а я со своим, – сказал Иван. – Правда, у нас только четыре патрона, но я дам стрельнуть тебе.

А в лесу без ружья – это не охотник.

Я был на седьмом небе. Можно было с ружьём за плечами, как настоящий охотник, пройтись по деревне, ни от кого не прячась.

Вот мы уже выходили за калитку. Жалко, что на улице никого не было, и никто не видит меня с оружием, Мы проходили мимо дома Толика, и я в тайне надеялся, что он увидит меня в таком снаряжении. Деревня закончилась, и мы вошли в лес.

Впереди, повиливая хвостом, бежит Тузик. У моего деда было много собак, и все они звались Тузиками. Все были одной масти – белые с чёрными пятнами, породы деревенской. Собаки славились работой на охоте, также были дерзкими в собачьих драках.

Вокруг деревни лес был разный. Тот, что находился у речки и тянулся до болота и дальше – старый ельник. Там всегда темно и сыро, даже жутковато и, казалось, что здесь водится всякая «нечисть». Лес, который был на другой стороне деревни отличался тем, что сосны и лиственницы, росшие там, не были такими страшными. Но там росли папоротник. Я в детстве почему-то думал, что в папоротнике живут только змеи, а я их не любил и побаивался. Около деревни водилось много змей, и даже по деревне ползали.

Мы зашли в лес и минут через пять залаял Тузик.

– Иди осторожно, не шуми, собака кого-то облаивает, – прошептал Иван. Мы подошли к высокой старой ели и стали высматривать причину беспокойства собаки. Лично я ничего не видел кроме больших еловых лап с длинными шишками. Ваня медленно снял ружьё с плеча и стал целится. Выстрел ахнул очень громко.

Облако синего дыма поплыло по веткам, и сверху что-то стало падать. Перекатываясь с ветки на ветку, на землю упал огромный глухарь. Это была очень хорошая добыча. Я стоял, разинув рот, разглядывая птицу. Никогда раньше не видел глухаря тем более так близко. Иван поднял птицу, осмотрел её и одобрительно сказал:

– Старый. Матёрый.

Собака обнюхала птицу и отправилась дальше по своим собачьим делам.

– Пойдём домой, – предложил Ваня, – я думаю, что не стоит с глухарём таскаться с самого начала, пообедаем, а после сходим в другую сторону. Мы пошли в деревню. Мне нравилось тащить глухаря и ружьё, словно это я добыл его, но на улице никого не было, и наш успех остался незамеченным.

– Что-то вы быстро? – спросила нас бабушка, суется у печки, – обедать будете?

– Будем, – ответил я, – ба-а, смотри, что мы принесли!

Она осмотрела птицу и сказала:

– Ну, вот, и мне будет работа.

Через час мы уже шли в другую сторону от деревни. Там стоял другой лес, Огромные разлапистые сосны и лиственницы на горе не так часты, а берёзы и осины под ними невысоки. Густой папоротник покрывал почти всё пространство, лишь около больших сосен росла низенькая трава, и краснели ягоды костяники. На вершине горы стоял маяк – геодезический знак. Срубленный из брёвен он высился среди леса. Почти каждый мальчишка из деревни забирался на самый верх, хотя это было совсем небезопасно. Маяк был старый, многие ступеньки на лестнице отсутствовали, и остальное сооружение выглядело подозрительно.

Я тоже бывал на самой верхней площадке. Там находился небольшой столик, на котором вырезались различные автографы.

Вид оттуда был необычный. Через макушки сосен далеко-далеко проглядывались поля, а во все другие стороны виделись только разнокалиберные макушки деревьев.

Чем дальше был лес тем он был темнее и загадочней. Однако находиться на маяке было страшно, маяк качался и подозрительно скрипел.

Всё произошло недалеко от маяка. Вдруг из травы выпорхнула стайка молодых тетёрок. Они с шумом поднялись и из-за своей молодости, и глупости уселись на толстый сук старой лиственницы, и стали вертеть головами, Иван вскинул ружьё и выстрелил. Птицы сорвались и полетели в густые заросли.

– Смазал, – сказал я, подсчитывая патроны. Осталось два.

– Нет, – возразил Иван, – я её подранил, она сидит, – и он снова стал целиться. Грохнул выстрел, но ничего не произошло, никто не упал. Я смотрел на дерево, но ничего не видел,

– Там нет никого, – я уже понимал, что сейчас произойдёт самое страшное. Остался последний патрон.

– Сидит она, – Иван пошёл на другую сторону дерева. – Ну, вот же она. Он быстро прицелился и выстрелил. Тетёрка, расправив крылья, как пропеллер опустилась на траву. Это было красиво, но, что мне до этого, ведь патронов больше нет

– Ты не дал мне стрельнуть, – пробурчал я. Иван довольный, что всё-таки добыл дичь, не заметил моей обиды. Он пообещал мне дать стрельнуть в следующий раз.

Назад я плёлся далеко позади. Настроение было скверное, хотелось немного всплакнуть от такого вероломства. Тяжёлое ружьё резало плечо и больно стучало об ноги, и с каждым ударом этого «железа» из меня уходила, улетала вся охотничья страсть, Потом гораздо позже мне приходилось бродить с ружьём по лесу, и с патронами, но это никогда не трогало меня. Если и бывало желание пострелять, то больше по мишеням или по пустым бутылкам...

Январь 2008 г.

Он и она

Сегодня случилось страшное. Ему так показалось, и он испугался. Тоска выползала откуда-то изнутри и выворачивала всё наизнанку. Было неуютно и не выносимо. Она была рядом волшебная, нежная, самая прекрасная, самая любимая и единственная.

Голова её покоилась у него на груди, руки тёплые и ласковые обнимали его, густые тёмные длинные были повсюду. У него на руках, на подушке, у него на лице. Иногда они мешали, но он любил их, любил их запах. Бывало, что от их прикосновения к губам и носу было щекотно, и хотелось чихнуть, но и это приводило его в восторг. Она, заметив это, стала заплетать их на ночь в косу, но он попросил не делать этого. И она не делала, хотя, иногда, ей было больно, когда волосы запутывались, но она терпела. Она спала у него на груди тихо-тихо. Дыхания совсем не было слышно. Он даже боялся, что она совсем не дышит, но понемногу привык к этому. Она никогда не мешала ему и не раздражала. В любое время: днём или ночью, он всегда был счастлив, глядя на неё, любовался, а когда она спала, он, чтобы не будить, брал её руку и нежно, и долго целовал пальцы.

Они были вместе уже долго. И всё это время он считал, что эта вся идиллия – его заслуга. Он всё это время думал, что обладал над ней незримой властью. Если он чего-то хотел, стоило только подумать об этом, внушить ей, глядя прямо в глаза, и она всё выполняла. Так было с самой первой их встречи. Тогда, давным-давно, когда они впервые встретились на танцах. Он увидел её, и она сразу ему понравилась.

Они стояли далеко друг от друга и перекидывались взглядами. И тогда он подумал, что было бы хорошо, если объявят «белый танец» и она пригласит его. Он так думал, мечтал об этом, и так случилось. Она пригласила. Потом он внушал ей, чтобы она позволила поцеловать её, и она позволила. Вскоре они поженились. Он считал, что это его заслуга. Шли дни, шли годы, и всё было хорошо. У него всё было под контролем. Ещё не доходя до дома, он внушал, чтобы она встречала его поцелуем, и так происходило. Когда же она приходила домой позже, он любил ждать её, поглядывая в окно. И, увидав её, стоял у двери будто случайно, помогая ей раздеться, и распахивал объятая. Она всегда говорила, что озябла, сама прижималась к нему и стояла тихо и долго, согреваясь его теплом. Иногда она начинала ворчать по какой-либо причине. Он мысленно внушал ей, что сейчас подойдёт, обнимет, поцелует, и она забудет всё, чем была недовольна. Именно так и происходило. Они стояли обнявшись, и долго целовались. И их ссора, как снежинка над огнём не только таяла, но и испарялась. Он обожал когда она садилась на колени лицом к нему, прижимала его лицо к своей груди и медленно массировала ему голову. Он готов был замурлыкать, как

их чёрный лохматый кот. Потом она просто обнимала его, и они сидели так, пока не уставали. Могли сидеть обнявшись, молчать, слушать музыку, или слушать тишину. Он любил сидеть у её ног, обняв колени, и положив на них голову. Сколько было счастливых минут, он не считал и очень боялся, что это волшебство прекратится.

Сегодня он понял, что она вышла у него из-под контроля. Он сидел за столом и читал газету. Он не думал о ней, не внушал ей ничего, а он вдруг подошла сзади, обняла и прижалась к нему. Он недоумённо пытался узнать, что же произошло, но она ничего не говорила. Она просто была нежна и ласкова. Это было неожиданно. Сомнения захлестнули его, и он растерялся. Она заметила его состояние и сама стала допытываться о причине такого его поведения. Он долго молчал, а потом честно всё рассказал. Она рассмеялась и сказала: – Дурачок, я же тебя люблю с самой первой минуточки и мне ничего не нужно внушать, я и так кроме тебя никого не вижу. И каждое мгновение с тобой, как последнее, радость моя. Она смеялась и осыпала его поцелуями, но его сомнения не проходили. Он пытался отвечать ей, но выходило не очень...

И вот она спит у него на груди, как было не раз. Его радовали её тепло, её запах. Он любил этот запах и даже однажды подумал, что так пахнет счастье. Наверное, так оно и было. И вот сейчас, он не мог поверить, что происходящее между ними не его внушение, а нечто другое. Он не верил в это. «Да, она любит его, но ведь стоило ему о чём-то подумать, и она делала именно то, что он хотел. Именно это и ничего другого, а так не бывает. И ему на ум пришла шальная мысль. Сейчас она спит, а он внушит ей, чтобы она призналась ему в любви. Он сосредоточился и направил на неё всю силу своего желания, поглаживая обнажённые руки и плечи. Какое-то время ничего не происходило, но потом она повернула голову на другой бок и пробормотала: – Боже, как же я тебя люблю, – сладко чмокнула губами, словно маленький ребёнок, и опять затихла. Он чуть было не закричал: «Ура! Значит, ничего не изменилось, значит, она подчиняется ему даже во сне. И пусть она говорит, что всё это ерунда, но он может повелевать ею даже во сне. Тёплая волна прокатилась по нему, стало хорошо и спокойно. Он взял её руку и стал целовать пальцы, нежно перебирая их, затем прижал её ладонь к своей щеке и уснул.

Январь 2010 г.

Звонок

Зазвонил телефон.

– Привет! – сказала она. – Как дела?

– Ты где?

– Дома.

– Я приготовил тебе ужин. Есть твой любимый чай, кофе, печенье, конфеты.

Приготовить небольшую исповедь на всю ночь и полторы свечи.

– Свечи зачем?

– Для интима.

– Почему полторы?

– Больше нет.

– Я не обещала.

– А я ждал.

– Чем занимаешься?

– Жду.

– Кого?

– Тебя.

– Я не могу.

– А хочешь?

– Не знаю, – прошептала она.

– А если я буду при смерти, придёшь?

– Да.

– Тогда я уже почти умер.

– Не шути так.

– Я не шучу.

– Ладно, не болей. Спокойной ночи, – она положила трубку.

– Шесть пятилеток понадобилось, чтобы позвонить, ещё столько для встречи. Если гадалка не соврала, то мне осталось всего пять пятилеток. Но, думаю, гораздо меньше.

Сказочный город

В один из июльских дней я бесцельно бродил по городу, стараясь развеять неожиданно нахлынувшую на меня хандру. Погода была под стать настроению. По небу плыли тяжёлые неповоротливые тучи. Иногда в просветы выглядывало солнце, накаляя и без того горячий и липкий воздух.

По дорогам сновали туда-сюда машины, по тротуарам – люди. Все спешили куда-то, часто поглядывая по сторонам. Только я медленно бродил по улицам, ни на кого не обращая внимания. И всё-таки мой взгляд вдруг упал на одного такого же, как и я, никуда не спешившего человека. Он сидел на куче песка около ремонтировавшегося здания и строил город. Да-да самый настоящий город из песка. Многоэтажные красивые дома стояли вдоль широких улиц. На домах тонким прутиком были нарисованы окна и двери. В середине стоял большой дворец. В его купола были вделаны разноцветные стёклышки. Когда выглядывало солнце, они светились радужными искрами. Перед дворцом была площадь, на которой стоял какой-то памятник. Город был светлый и чистый.

Мимо проходили люди: молодые и пожилые, проходили и родители с детьми. Но никто, кроме детей, не замечал необычного маленького чуда. Только они пытались остановиться, посмотреть, поиграть в этом городе. Но мамы, папы и бабушки уводили ребятишек прочь.

Пошёл дождь. Крупные тяжёлые капли стучали по улицам и крышам беззащитного города, разрушая их. Вскоре от дворца и домов остались только небольшие песчаные холмики.

Мальчик, не шелохнувшись, сидел и смотрел на то, что осталось от его произведения. Весь промокший, но, не обращая внимания на дождь, он наблюдал, как капли нечестно и бессовестно разрушали его работу. В его детских глазах были совсем взрослые грусть и обида.

Я хотел подойти к нему, но он встал, и, опустив голову, медленно пошёл по тротуару. Догнав его, я тоже медленно пошёл рядом. Мальчик даже не посмотрел на меня.

– Хороший город был, – тихо сказал я.

Мальчик остановился, поднял голову, удивлённо оглядывая меня.

– Правда? – в его глазах засветилась тёплая детская радость. С волос по лицу сбегали струйки воды, а он стоял и улыбался мне.

– Правда. Мне очень понравился, – кивнул я.

– Я завтра ещё построю. Лучше и красивее. Если хочешь, вместе будем делать. Ты придёшь завтра? – на одном дыхании выпалил он.

– Извини, не могу завтра, я днём работаю.

– А-а, – протянул он, – а ты вечером приходи. Придёшь?

– Ага, – я улыбнулся. Мне стало хорошо и тепло от этой наивной просьбы.

– Ну, я пойду, – мой новый друг виновато посмотрел на меня, – а то мама ругаться будет.

– Пока, – я протянул ему руку.

– Пока, – он улыбнулся мне и побежал прямо по лужам, весело размахивая руками и подставляя лицо дождю. Потом он оглянулся, помахал мне рукой и побежал дальше.

Вечером следующего дня, я проходил мимо этого ремонтирующегося дома. Рядом с ним стоял город. Он был ещё красивее и наряднее, чем в прошлый раз. В окнах светились стёклышки. Улицы вымощены кафельными плитками. Вдоль улиц посажены деревья из травы. В центре города стоит замок с золотыми куполами, сделанными из фольги. Вокруг замка раскинулся парк с дорожками и прудом, дном которого служило синее стекло. Это была сказка.

Я склонился над этим сказочным городом и увидел стрелку, ведущую в замок. «Ждал меня, – с грустью вспомнил вчерашнее обещание. – Я пришёл, малыш, я не обманул. Спасибо тебе добрый строитель сказок. Будь счастлив!»

Рядом с его стрелкой, ведущей в замок, я поставил свою, точно такую же.

Июль 1981г.

Корчага

Мой друг Сашка сам сделал корчагу из алюминиевой проволоки. Раньше, взрослые мужики плели их ивовых прутьев, но в последнее время все перешли на проволоку, которая валялась в достатке после проводки линии электропередач. А чтобы плели пацаны, такого не слышали. У Сашки отца не было, поэтому он всё делал сам. Если посмотреть, то дело не очень сложное, но кропотливое, особенно для парнишки двенадцати лет. Он был младше меня на год, но дружили мы с ним крепко. Сашка встретил меня счастливым.

– Пойдём рыбачить на реку, у меня корчага есть, – сказал он.

– Покажи.

Сашка повёл меня в ограду. Там на высоком крыльце поблёскивая матовой белизной, лежала корчага. Это такой сплетенный из проволоки бочонок, один край сплетен конусом и заканчивается отверстием для изъятия рыбы, другой сплетён воронкой во внутрь. Горловина, которая намазывается крутым тестом.

– Тесто надо делать, – сказал я.

– Уже готово.

– Тогда пойдём. Только, как мы ставить будем без лодки?

– Возьмём лодку, а потом поставим на место.

– Они же замкнуты.

– Я знаю, где есть незакрытая, – сказал довольный Сашка. Он взял корчагу, я сумку с тестом, и мы пошли. До реки три километра. Два из них по лесу и километр по лугам. Лес хоть и старый, но светлый. Вдоль тропинки много земляники и костяники. Но нам не до неё. Мы всеми своими мыслями уже на реке. Перед выходом на луга нужно пройти немного по тёмному лесу, в котором даже в жару было прохладно и сыро. Тропа там никогда не высыхала и всегда была грязной. Дальше была небольшая болотина, где часто буксовали трактора и машины. Даже на мотоцикле и то проехать здесь было непросто. Скот с лугов здесь тоже не гоняли. Топко. Но пешком пройти можно, только на выходе была разрыта огромная колея, и приходилось обходить её по лесу. По лугам

и бегом пробежаться в удовольствие, но ради солидности мы этого не делали. А хотелось. Подошли к реке. На берегу никого не было.

– Лодка есть выше по течению, – Сашка направился по самому краю берега, где проходила тропинка. Она располагалась среди кустов шиповника. Передвигаться нужно было аккуратно, чтобы не нацеплять колючек. Лодка лежала на берегу перевёрнутая, но не привязанная. Мы не стали торопиться. А решили определиться, куда ставить корчагу.

– Чего мудрить, давай поставим прямо недалеко о берега, – сказал я.

– Нет. Здесь стоят корчаги Ивана, – ответил мой друг. – Мы поставим на другом берегу. Там трава, и рыба должна быть.

Река негласно была поделена на участки жителями деревни. Каждый рыбачил на своём месте и не лез к другим. Правда это касалось только рыбалки на корчаги, а удочками или закидушками, ловили кто, где хотел. Сашка знал порядки, поэтому решил ставить снасти на другом берегу, где никто из деревенских рыбаков не ловил.

– Тогда давай лодку спускать, – сказал я и взял за край. Лодка оказалась не очень тяжёлая. Каркас у неё сделан из дерева, а корпус из листового алюминия. Стыки аккуратно заклёпаны. Сашка подхватил с другой стороны, и мы очень легко спустили её на воду. Весло и шест оказались под лодкой. Править ей оказалось не трудно. Я работал веслом, то с одной стороны, то с другой. Вскоре мы оказались у другого берега. Мой напарник ловко намазал горловину тестом, нарвал травы и заткнул ей другое отверстие. Проволокой привязал кусок трака от тракторной гусеницы, валявшийся на берегу. Здесь можно было найти много чего. По реке сплавляли лес, и каждое лето здесь проходило много техники. Бульдозеры, трелёвочники, по реке приплывали водомётные катера. Около недели они проходили деревенский участок. В это время все ребяташки прибегали сюда. Работники сплавной, иногда, давали спасательные жилеты. Купаться в них было забавно.

Сашка приготовил корчагу к постановке. Привязал небольшую ветку на верёвку, которая являлась меткой, а так же за неё вытаскивали снасть. Горловина с тестом опускалась по течению, тесто понемногу вымывалось и рыба заходила во внутрь. Назад ей выбраться оказывалось трудно, и она оставалась внутри. Когда корчагу вытаскивали, рыбу высыпали через другое отверстие, вытащив пробку.

– Всё, давай назад, поставим лодку на место и будем рыбачить на удочки. Лодку мы вытащили на берег и перевернули. Я пошёл вырезать удище, а Сашка направился копать червей. Мы снарядили удочки, что сделать нетрудно. Удище вырезали из черёмухи, червей нарыли в прелых старых листьях. Леска и крючки у всех пацанов всегда с собой. Вскоре удочки стояли, а мы развели небольшой костёр, не потому, что было холодно, а просто с костром уютней.

Прошло часа два. На удочку ловилось плохо. Мы всё чаще поглядывали на другую сторону реки, где стояла корчага.

– Может, проверим? – предложил я.

– Давай, – быстро согласился Сашка. Видно, что у него тоже кончилось терпение.

Мы быстренько спустили лодку и поплыли. Когда Сашка стал вытаскивать снасть, у нас перехватило дыхание от волнения. Ну, а увидев, что в корчаге прыгают серебристые ельцы, мы дружно заорали:

– Ура!

Рыбин оказалось около двадцати. И не просто ельцов, а довольно больших, какие на удочку не ловятся. Восторгу не было предела. Сашка намазал тестом горловину и поставил корчагу на место. Рыбу сложили в сумку из-под теста. И поплыли назад. Лодку вернули на место, а рыбу посадили на сниску. На специальный прутик. На удочки тоже попалась парочка ельцов, но мелких. Мы сидели и радовались, как вдруг услышали топот копыт. К нам на лошади подъезжал хозяин лодки – Иван. Он слез с лошади, искоса глянул на нас, и подошёл к лодке. Она ещё не успела просохнуть от нашего плавания. Он ещё раз взглянул на нас, повесил рюкзак с ружьём на сук дерева и, ничего не сказав, стал спускать лодку на воду. Сам Иван крупного телосложения, полный, подвижный и сильный. Для него лодка, словно совсем ничего не весила. Он стоял в лодке, работая веслом. Мы внимательно наблюдали за ним. Он медленно спускался вдоль берега, внимательно всматриваясь в дно. Он вытащил одну корчагу, проверил, затем снарядив, снова поставил. Вторая корчага стояла неподалёку. Потом он долго искал ещё что-то и стал подниматься вверх. Иван затащил лодку, взял ружьё и направился к нам.

– Где моя корчага? – сказал он зловеще.

– Мы не брали, – ответил Сашка.

– Чем ловите?

– На удочки.

– Покажите рыбу, – сказал он, и, увидев сниску, направился к ней. – Ах вы, сучьи дети, ещё и врёте, эта рыба поймана в корчагу! Он надавил на брюшко ельца, и из него полезло тесто. – Да я вас постреляю сейчас! – он направил на нас ружьё.

– У нас своя корчага, – крикнул Сашка, мы только лодку брали и поставили её вон там, – он указал рукой на противоположный берег.

– Ладно, показывайте, – Иван опустил ружьё.

– Она на той стороне, – сказал я.

– Берите лодку и показывайте. Иван сел на берегу и закурил. Его непривязанная лошадь паслась рядом. Мы быстро спустили лодку и поплыли.

– Ты думаешь, он будет стрелять? – спросил я.

– Не знаю, у него, видно, корчагу утащили, или водой унесло.

– Скорее всего, украли, плыл кто-нибудь на лодке, увидел и утащил.

– У нас своя, и мы не брали чужого.

Сашка поднял снасть, там оказалось ещё десятка два ельцов, хотя времени прошло совсем немного. Мы не стали вытаскивать её, а прямо так поплыли назад. Иван подошёл, посмотрел и сказал:

– Это не моя. Раз так, то вот, что я вам скажу, если по доброму, без пакости – берите лодку когда хотите, но воровать и гадить не надо. Кто это вам подсказал поставить там корчагу? – спросил Иван.

– Сами решили так. Здесь же занято, а там никто не ставит, – ответил мой друг.

– Смотри-ка, я не думал, что там есть что-нибудь. Ладно, ребятки, лодку можете брать, но не пакостите, – он снова поплыл искать свои снасти.

Рыбачить нам сразу расхотелось. Мы сложили рыбу в сумку из-под теста, Сашка занёс корчагу в лес и спрятал. Иван ещё искал потерянное, а мы направились домой.

– Честно сказать, я сильно струхнул, – сказал Сашка.

– Я тоже, – сознался я, мы дружно расхохотались. Смеялись, вспоминая недавнее происшествие. Направленное на нас ружьё впечатлило.

– Но мужик он оказался неплохой, – Сашка уже успокоился.

– Да, разрешил лодку брать. Не каждый бы разрешил.

Мы ещё не раз пользовались лодкой для рыбалки и не только. Брали и просто покататься. И человеком Иван оказался неплохим, но это мы поняли гораздо позже, когда выросли, и нам приходилось встречаться с ним в разных ситуациях.

Март 2010 г.

Бинокль

Я в ясли не любил ходить. В нашей деревне детей было много, и, чтобы наши родители могли ходить на работу, сделали ясли, куда водили детей разных возрастов. Следила за нами бабка Прасковья. Добрая старушка небольшого роста. Сколько ей было лет, я не знаю, но потом ещё долгие годы она была всё такая же.

Половина детей приходились внуками и просто родственниками. Я тоже был родственником, но далёким. Она относилась ко всем по-доброму, никого не выделяя. Я рос ребёнком спокойным, любознательным, но свободолюбивым. Особо не пакостил, но и сидеть в яслях я считал бесполезным времяпрепровождением. Поэтому обычно более двух часов не находился под присмотром. Дом моей бабушки находился рядом с яслями, разделял их заплот из жердей. По ним, как по лестнице я перелезал во двор к бабушке, а там выходил через калитку и уходил на реку. Когда вечером за мной приходили, то я был где угодно, но не в яслях. Уходил на реку, или к другой бабушке на другой конец деревни. Мог сходить в лес, на кузницу, куда угодно. Мне везде было интересно.

В тот раз мой дядя Иван привёз мне из города бинокль. Обычный – детский, с простыми стёклами. Но это было неважно. Ни у кого такого не было. И мне не терпелось сбегать на речку посмотреть всё поближе. Мать, как обычно, привела меня в ясли. Но только она ушла, как я сразу направился к моему выходу.

– Ты останешься здесь или пойдёшь? – спросила бабка Прасковья.

– Нет, я пойду, – словно это было дело решенное, и никто не мог его изменить.

Она не стала меня удерживать, только спросила:

– Куда направился?

– Наверное, на реку, – солидно ответил я и перелез через заплот. Перешёл улицу и направился в прогон.

Наша деревня казалась мне тогда большой. Состояла из одной улицы, которая протянулась на один километр. Что такое километр, я не знал и думал, что это, что-то необъятное. Мы жили посередине, как и одна из моих бабушек, а другая проживала ближе к краю. Вот тот край я уже обследовал, а в другом ещё не был. Для меня тот край находился слишком далеко, и шагать туда было и долго, и страшновато. Я знал, что там за деревней находилось кладбище. Что это такое я тоже не знал, но чувствовал нечто таинственное и жуткое. А ещё я знал, что туда уходила дорога в таинственные края. По той дороге уезжали в город, в другие большие сёла. В данный момент меня те места не интересовали. По прогону я направился к нашей небольшой речушке, радости и восторгу ребятни. Это была даже не речка, а большой ручей. С юмором его называли «Дунай». Под горой на берегу располагалась пилорама, а рядом с ней находилась конюшня. Загон для коней размером с большое футбольное поле огорожен высоким забором. И сама конюшня, здание, тянувшееся вдоль дороги, срубленное из брёвен. А все перегородки и потолок собраны из тонких жердей. На потолке накидано много соломы, для утепления. Внутри конюшня разгорожена на стойла, где стояли нужные для работы кони, а другие находились во дворе. Летом их гоняли пастись, а зимой они все в инее бродили по двору, или просто стояли.

Я подошёл на край горы и в бинокль стал разглядывать всё вокруг. Даже через эти простые стёклышки мне казалось, что весь мир преобразился. За рекой большие старые ели казались ещё больше и страшнее, и весь мир за рекой из обыденного превратился в таинственный. Я побежал вниз, хотелось рассмотреть всё поближе. Через бинокль разглядывал и камни в воде, травинки, жуков ползающих там же, опилки на пилораме. Листочки на кустах смородины с тоненькими прожилками. Всё менялось, становилось загадочней.

– Опять удрал? – я вдруг услышал грубый голос. Оглянувшись, я увидел моего деда. Дед работал конюхом. Выглянув из хомутарки, домика, где хранилась вся упряжь, он заметил меня, одиноко шляющегося и разглядывающего всё через какую-то штуку. Дед знал про мою способность долго не находиться в яслях.

– Смотри, что у меня есть! – воскликнул я счастливый, что могу поделиться своими загадками.

– Чего там у тебя?

Я протянул деду бинокль. Он долго рассматривал его и пробормотал:

– Гляди-ка, чего только не понаделают.

– Ты в него посмотри, – сказал я, – там всё по-другому.

Дед взглянул. Повертел ещё немного в руках и вернул мне.

– Чего из яслей убежал?

– Не бегал я. Просто так, взял и ушёл. Зачем мне бегать?

– Там, небось, хорошо, ребятишек много, а ты один тут бродишь.

– Чего там во дворе делать? Они там, в песке роются.

– А тебе простор подавай? – поддакнул дед. – Мать поддаст вечером, за то, что убежал.

– Нет. Она с Сашкой возится, ей некогда. Сашка это мой младший брат.

– Помог бы ей, большой уже, раз так рассуждаешь.

– Сашка тоже не маленький, курей вон, как гоняет, – сказал я, больше пересказывая взрослые разговоры. Мой брат обожал сырые куриные яйца. Он ещё совсем маленький облазил все стайки, знал гнёзда, где несутся куры, иногда выгонял из гнёзд, чтобы забрать яйцо. У меня особой любви к брату не было, как и ненависти. Был он и был. Я мог и поиграть с ним или уйти. У меня был свой друг, которого тоже звали Сашка. Моего брата этим именем назвал я, как ни странно.

– Насмотрелся в свою игрушку? – спросил дед.

– Это настоящий бинокль, – возразил я.

– На коне хочешь прокатиться?

Я даже задохнулся от счастья. Стоял и смотрел, не говоря ни слова.

– Чего молчишь? Испугался, что ли? – дед с иронией посмотрел на меня.

– А я не упаду? – неуверенно спросил я.

– Держаться будешь, не упадёшь. Так хочешь или нет?

– Да! – вырвалось как-то само.

– Пошли тогда, – он пошёл к лошади, стоявшей около конюшни. Лошадь была огромная, по сравнению с ней, я, как маленький жеребёнок. Звали её Рыжка. Рыжка

старая, отработавшая своё лошадь, использовалась для работы на конюшне. На ней понемногу, привозили солому, овёс, возили с реки воду. Но вся эта работа была рядом с конюшней. И Рыжка никуда сама не уходила от привычного места.

Дед посадил меня на лошадь. Она оказалась широкой, большой, но тёплой и чем-то пахла. Запах не очень приятный, но и не противный. Я уцепился в жёсткие длинные волосы гривы.

– Держишься? – спросил дед.

– Да.

Он бросил повод на шею лошади и шлёпнул ладошкой по крупу. Рыжка не торопясь направилась привычной дорогой вокруг конюшни. Сначала мне было страшновато, но потом я по привычке. Лошадь шла медленно, опустив голову, ни на что, не обращая внимания. Я сидел, вцепившись в гриву двумя руками, но когда увидел, что всё не очень опасно, одну руку отпустил, и взял в неё бинокль. Я смотрел на проплывающий мимо мир, и удивлялся всё больше и больше. Казалось, всё мне знакомое, вдруг изменилось, преобразилось. Мимо проплывала дорога, изрытая машинами, травянистые берега речки, чистые камни в воде, на пригорке электростанция, которая по вечерам громко трещала, и от которой всегда воняло трактором. Я не заметил, как совсем перестал держаться и спокойно сидел на лошади, держа обеими руками бинокль. Лошадь дошла до своего места и остановилась.

– Ещё поедешь? – спросил дед.

– А можно?

– Чего ж, – он снова хлопнул Рыжку по крупу. Моё путешествие продолжилось. Я увидел вдалеке старую большую мельницу, деревянный мост через речку, срубленный из толстых брёвен. Между берёз проглядывались огромные поля. Я был счастлив. Когда лошадь остановилась, дед сказал:

– Я сейчас запрягу телегу, и мы поедем обедать. Там наша бабка приготовила чего-нибудь. Вчера хлеб свежий стряпала, хочешь горбушку?

– Хочу.

Ничего вкуснее горбушки хлеба с молоком нет на свете. Пока дед запрягал лошадь, я разглядел, из чего состоит телега, оглобли, упряжь. Столько нового открылось мне в этот день. А в яслях, что можно узнать?

Вечером я всё рассказал маме. Она слушала меня улыбаясь. И только сказала:
– Ты хоть говори куда уходишь, где тебя искать.
Утром меня снова повели в ясли...

Март 2010 г.

Бекас

Некоторые люди рассказывают, что многое помнят, чуть ли не с годовалого возраста. Я не помню такого. В моей памяти не осталось ничего из самого раннего детства. Я очень немного помню из четырёх-пятилетнего возраста. Но остался в памяти из того времени друг. Это большая белая собака, звали её Бекас. Очень строгого нрава, вольнолюбивый Бекас. Цепи его держали плохо. Он всегда находил возможность освободить себя от привязи. Но это всё я знаю по рассказам взрослых, а помню, как он подходил ко мне, когда я сидел на брёвнышке, я обнимал его за шею, а он терпеливо стоял, иногда пытаясь лизнуть меня в лицо. Если я чем-либо занимался, Бекас сидел рядом, не мешая мне. Дружба у нас была ненавязчивая.

Это случилось зимой. По выходным, мои родители ходили к бабушке в гости. Дорога, занимавшая десяток минут, могла затягиваться во много раз по той причине, что я категорически отказывался, чтобы меня носили на руках. Я ходил сам, даже если это было тяжело, но кроме этого мне было всё интересно. Я мог долго разглядывать любую палочку, любую мелочь. Это продолжалось ровно столько, пока я не выяснял для себя всё, что нужно. Время шло, родители нервничали, а я познавал мир. И отец придумал, как решить проблему. Он сделал простенькую упряжь для собаки. В мои лёгкие алюминиевые санки впрягали Бекаса. И он не противился, не смотря на неуступчивый характер, он, к удивлению отца, наоборот был доволен такой обузой. Бекас неторопливо бежал впереди родителей, стараясь не перевернуть меня. Он останавливался, оглядывался, а потом снова продолжал свой путь. Всем было хорошо. Родители довольны, Бекас не против, а про меня и говорить нечего. Ни у кого не было такого транспорта. Я познавал мир на скорости собачьего бега. Но случилось такое, что после отец больше никогда не запрягал собаку.

В тот раз всё было, как обычно. Отец усадил меня в санки. Бекас оглянулся, убедившись, что всё нормально, не торопясь потащил санки со мной. Половина пути уже была пройдена, как на нашем пути оказалась «собачья свадьба». Такое мероприятие Бекас пропустить никак не мог. Он рванул в кучу собак вместе со мной и с санками. Завязалась хорошая драка. Я слетел рядом с кучей собак и упал лицом вниз. Клубок собак с жутким лаем и воем катался рядом, санки летали то там, то здесь. Я с интересом разглядывал происходящее. Кругом оскаленные собачьи морды с кровавой пеной на клыках. Бекас, видно, осознал, что я не боец, оказался рядом и, успевая цапнуть неосторожных конкурентов, охранял меня от других псов. Но для них я не представлял интереса, и меня не трогали. Подбежал отец, разогнал свору, подхватил меня на руки, разглядывая, не поранили ли меня собаки. Всё оказалось в порядке. Подбежавшая мать накинулась на отца, он поддал псу, виновато опустившему голову. Пока они громко разбирались и кричали, я подобрал разорванный собачий ошейник и разглядывал его.

Больше Бекас меня не возил. Отец сам таскал санки, так надёжней. С Бекасом я дружить не перестал, как и он. Я так же обнимал его за шею, иногда залазил верхом. Он терпел, стараясь лизнуть в лицо.

Из раннего детства я помню, что никогда не боялся собак, а они не трогали меня. Я и сейчас люблю собак.

Март 2010 г.

Хорошая техника

Посреди деревни была площадь. Она служила не для торжественных мероприятий, на ней и зимой, и летом стояли трактора. Она было настолько перепахана гусеницами тракторов, что при малейшем дожде превращалась в желеобразное месиво. Техника стояла посреди этого моря грязи. Дорога была не лучше. И не только здесь, а по всей деревне. В одном месте не могла пройти никакая техника. Когда стояла сушь, всё было, довольно, неплохо. Возле домов полоса травы, а посреди непролазные рвы. Высохшую грязь трактора перемалывали в пыль и всё выравнивалось. За площадью стояли

несколько рубленных из брёвен амбаров, в которых хранилось зерно. На дверях висели замки, вид которых определял название. Нормальные амбарные замки размером в хорошую ковригу хлеба. За амбарами начиналась гора. Может, и не очень большая, но после дождей совершенно непроходимая для автомобилей. Глина становилась скользкой, ехать становилось хуже, чем по льду. По ней тормозить бесполезно, скользит, а самое страшное то, что глина налипала в таком количестве, что колёса превращались в большие шары. Потоки дождевой воды размывали дороги и те превращались в глубокие овраги, в которых можно спрятать не один трактор.

Прямо в склоне горы был выкопан колхозный погреб. Там хранили выращенные на полях овощи. Около погреба на машинах ездили только посуху, и дорога стояла не совсем разбитая. Сразу за горой, на берегу небольшой речушки стояла мельница, самое высокое строение в деревне. В мое время она работала от привода трактора. Трактор через широкий ременный привод крутил большое чугунное колесо, приводившее в движение жернова. А ещё раньше всё работало от локомобиля, ржавые остатки которого стояли тут же. Как он работал, никто уже не помнит.

Рядом с мельницей старый деревянный мост, срубленный из брёвен. Он был настолько ветхий, что по нему ездили только на лошадях. Машины и трактора ездили через речку вброд. Дно было песчаное, и не приносило неудобств, а вот выезды выглядели плачевно. Только выполнив героический рывок, можно проскочить прибрежную грязь, которая не высыхала никогда.

Молодой партийный секретарь колхозной парторганизации, получивший в пользование новый «уазик» решил проехать по территории колхоза. Четыре деревни, входившие в колхоз, располагались на расстоянии от пяти до девяти километров друг от друга. Если дороги между ближними деревнями отсыпаны гравием, то до дальних деревень добраться стоило большого труда. Но машина хорошая, вездеход, настроение превосходное, и секретарь рискнул. Нашу деревню он объехал за огородами. Получилось удачно, но только до речки. Здесь «уазик» вляпался в такую грязь, что молодой специалист сам едва выбрался. Она вылез на траву, успел вытереть ноги, как из конюшни, стоявшей неподалёку, появился мой дед. Он работал там конюхом. Старик, видевший в своей непростой жизни многое. Приехавший из-под Курска по вербовке ещё в тридцать девятом, спасаясь от голода царившего там, он успел повоевать, побывал в

немецком плену, после плена работал на военном заводе в Подмоскowie. Потом были прелести лагерей. Через пару лет лагерной жизни, был освобождён и реабилитирован. Затем долгие годы колхозного беспаспортного «счастья». Неблагодарная колхозная работа за непонятные трудодни. Выживали только за счёт своего разрешённого хозяйства. Была корова, несколько овец, какая-то птица и свиньи. Молоко заставляли сдавать по налогу, а так же яйца, шкуры от скота, шерсть. И всё это практически бесплатно. Выручали поросята, которых продавали на базаре, а потом на эти деньги покупали одежду для подрастающих детей и немного для себя. Многие имели две телогрейки, одна управляться по хозяйству, другая на выход.

В конце пятидесятых пришёл в деревню новый председатель. Человек умный, грамотный, окончивший академию. За несколько лет он смог сплотить деревню, тогда ещё самостоятельное хозяйство, и добиться результатов. Только три года была радость от труда. Наказанием служило не приглашение на работу. Если человек провинился, то утром бригадир обходил этот дом и не звал утром на работу. Пьянства в деревне не было. После окончания посевной или уборки, устраивали гулянье всей деревней. Тогда у механизаторов появились мотоциклы, деревня принарядилась. Люди заулыбались. Но пришло укрупнение колхозов. Из четырёх колхозов сделали один. В колхоз объединили четыре деревни, и всё стало разваливаться. Председатель отказался от большого хозяйства, видно, понимал, чем это закончится. И всякими правдами-неправдами люди получали паспорта и уезжали в город. Молодёжь уезжала учиться и не возвращалась, и после службы в армии парни тоже оставались в городе. Деревня доживала последние годы.

Дед вёл старую лошадь Рыжку, запряжённую в телегу, в поводу. По такой грязи лошади было тяжело. Секретарь обрадовался, увидев старика.

– Здорово дед! – крикнул он.

– Чего надо? Дед знал кто перед ним, но он недолюбливал колхозное руководство и не скрывал этого. И было за что. Всё разваливалось, и никому ничего не нужно. Кругом бесхозяйственность и бестолковость.

– Что, дед, неважная техника у тебя? Чего в поводу ведёшь? – у секретаря хорошее настроение несмотря ни на что.

– Я хоть пешком, да иду, а ты и вовсе стоишь, – буркнул дед. Он прошёл ещё немного и, повернувшись, сказал:

– Мы на этой неважной технике по пятнадцать центнеров зерна брали, а у вас на этой, – старик кивнул на «уазик», – половина полей заросло, и скотина от голодадохнет. И зерна по восемь центнеров с гектара – смех да и только. Ну-о! – прикрикнул он на лошадь,

– Заслушалась!

Старик, немного сгорбившись, медленно уходил в гору. Лошадь понуро брела рядом. Секретарь смотрел вслед, досадуя на старика, за его недружелюбие. Он жалел о том, что не попросил деда, что бы прислал трактор на помощь. Идти самому, было грязно и не хотелось бросать машину. Он решил подождать ещё, надеясь, что кто-нибудь поедет. Старик с лошадыю вскоре скрылись за горой.

А минут через пятнадцать с горы показался трактор.

Апрель 2010 г.

Митрошка

Митрошка он и есть Митрошка. Мужик небольшого роста и непонятного возраста, одетый зимой в засаленную телогрейку, навсегда пропахшую силосом и навозом. Зимняя шапка с отвисшими ушами. Неизменно в зубах потухшая самокрутка с махоркой. Лицо морщинистое с густыми нависшими на глаза бровями, с недельной щетиной. Летом он ходил в залатанных штанах, серой рубаше и всегда в резиновых сапогах. Зимой он работал скотником, а летом пас молодых бычков далеко от деревни. Там же и жил в небольшой будке, стоявшей на полозьях, на краю небольшого загона, куда загоняли телят на ночь, передвигался он на старой лошади, повидавшей в своей жизни всякого. Лошадь возила нетяжёлого седока, стараясь в любую минуту похрустеть свежей сочной травы. Митрошка, бывало, стрелял дичь, не сходя с лошади, и та привыкла к выстрелам под ухом, не обращая внимания и не пугаясь. Даже запаха медведя, бывшего в тех местах нередким гостем, она не боялась.

Митрошка мужик живой, никогда не унывающий, всегда имеющий какой-нибудь весёлый случай из своей жизни. Рассказывал он много, и никогда не было понятно, действительно это произошло или просто выдумка. Утром, когда все мужики собирались в правлении колхоза, он находил себе место где-нибудь в сторонке, сворачивал самокрутку, толщиной с палец, прикуривал и прятался в клубах дыма. Смачный махорочный дым плавал по правлению перистыми облаками, как раз на уровне головы. Что бы кого-нибудь понадобиться увидеть, нужно или встать, или пригнуться. Митрошка сидел, сложив ногу на ногу, положив руки, с пожелтевшими от махорки, пальцами на колени и щурился от дыма.

– Слышь, бригадир, к телятам повадился медведь похаживать, – сказал он, – ни с того, ни с сего. Пока не трогает, но кто знает, что у него на уме.

Про медведей Митрошка рассказывал много и весело, что все считали такие разговоры про зверя просто очередными байками. Мужики захохотали.

– Так может он к тёлкам повадился, там молодух много!

– Ты бы самогона взял да с ним распил, а потом не опохмелил, и медведь к такому другу больше не заявится.

– Митрошка, хватит балаган разводить! – рассердился бригадир. – Хочешь поболтать, так на крыльце много места.

– И приходит в одно и тоже время, в девять часов вечера, – продолжал пастух, не обращая внимания на насмешки. Станет на задние лапы и смотрит на телят, а те в загоне бесятся.

– Ты угомонишься? – сердился бригадир.

– Кабы чего не вышло.

– Ты чего здесь делаешь? Ты пастух или кто? Езжай и смотри за телятами! У тебя бич знатный, вот и перетяни косолапого вдоль спины, пусть телят не пугает! Иди отсюда!

Мужики дружно хохотали. Митрошка потушил сигарку о каблук, крикнул и вышел из правления. Неторопливо отвязал лошадь, медленно залез в седло и поехал к своему дому на край деревни. Мужики ещё долго посмеивались над пастухом.

Через два дня Митрошка утром явился в правление с ружьём.

– Бригадир, давай трактор, медведя привезти, – он невинно взглянул на мужиков, что сразу вызвало бурное веселье.

– Митрошка, я тебя сниму с пастухов. Ты почему телят бросил?

– На площади есть тракторные сани, на них и привезём.

– Что больше нечего делать?

– Так испортится же медведь.

– Петро, съезди с ним, но если он соврал, то больше телят пасти не будет.

– Ты, что, бригадир, ты Митрошку не знаешь? Митрошка есть Митрошка! Ему соврать, что два пальца обос...ть. Делать мне нечего!

Тракторист, ругаясь, всё же зацепил сани и поехал за Митрошкой.

Через два часа, трактор показался из-за леса. Встречать вышла вся деревня. Огромный бурый зверь лежал вдоль саней, колыхаясь при рывках. Люди стояли и молча смотрели, ребяташки бежали за санями. Мужики курили, чесали затылки.

– Да, – говорили они, – вот тебе и Митрошка. А всё болтал, трепался и на тебе.

Митрошка молча ехал на лошади, не слезая с которой, и убил зверя одним выстрелом. Дождался, когда зверь в очередной раз появится и застрелил его. Лицо Митрошки было серьёзным и поэтому ещё более комичным. Но никто не решился смеяться.

Но и после этого случая всё равно никто и никогда не верил его историям.

Апрель 2010 г.

Тётя Хрося

После кинофильма, привозимого шофёром и по совместительству киномехаником Лёнькой, мы, обычно, оставались в клубе и устраивали танцы под гармошку. Мы – это подростки от четырнадцати до шестнадцати лет. Лёнка был мужик спокойный, но большой любитель выпить. Кино он привозил уже в изрядном подпитии и сил у него на демонстрацию не хватало. Кино крутили тоже мы. Быстро освоили кинопроектор, меняли катушки, или, как части, как их называли. Кино шло с перерывами. Проектор

был один, и когда кончалась часть, на перезарядку уходило несколько минут. Было время для обсуждения. После фильма были танцы под гармошку. Скамейки сдвигались по сторонам, освобождали место, и начиналось веселье. Бывали случаи, что и взрослые оставались и посмотреть на молодежь, и вспомнить молодость. Вальсировали в основном девчонки. Гармонистов было несколько, они менялись по мере усталости. Танцы продолжались, пока не надоедали. Потом затевали игру «третий лишний». Правила были такие: все желающие стояли попарно, один позади другого, а двое ходили или бегали по кругу. Один догонял другого с ремнём в руках. Если догонял, бил ремнём и, бросив ремень, сам начинал убежать. Если не мог убежать, становился впереди одной из пар, а крайний оказывался лишним и если ещё неповоротливым, то мог хорошо получить ремнём. Игра шла весело, со смехом и приколами. Если кому и перепало, то обид не было. Игра есть игра. Потом, когда темнело, все выходили за клуб, и разжигали костёр. Сиделись на чурки вокруг костра и пели под гармошку любимые песни. В нашей компании все были друзьями. У нас никогда не было скандалов и проблем. И пели песни все и те, кто умел, и кто не умел. Потом уже за полночь все вместе шли провожать девчонок, живших на краю деревни. Они, взявшись под руки друг с другом шеренгой шли впереди и пели под гармошку. Парни шли позади, покуривая папиросы.

Когда это началось, и кто всё придумал, сейчас уже и не знали. У нас в деревне жила старуха, которую звали тётя Хрося. Толи специально коверкая имя, толи по привычке. Немного выше среднего роста, худющая старуха походила на бабу Ягу. Характер тоже не ангельский. Она знала всё, что происходило в деревне. По вечерам, даже по ночам, она сидела у окна и наблюдала за всем, что происходит. Почти все деревенские сплетни выходили отсюда. Поэтому её и не любили в деревне, особенно молодёжь. Она придумывала такие истории и пускала их по деревне про всех, и многим приходилось иметь неприятный разговор с родителями. Но и молодёжь не оставалась в долгу. Её тоже не оставляли в покое. Обычным делом было часа в три ночи постучать в окно, и когда старуха выглядывала, крикнуть:

– Тётя Хрось! Выгоняй коров!

Старуха ругалась, грозила, что всё расскажет родителям, но это вызывало только громкий хохот. Так продолжалось много лет. Уже поколение, что шло перед

нами, выросло, но проделки продолжались, традиции переходили из поколения в поколение. Старуха тоже стала поджидать молодёжь уже возле калитки. Услышав, что голос гармошки приближается, она брала в руки палку и притаивалась за калиткой, когда кто-то подходил к окну, она выскакивала с криками. Всё заканчивалось смехом. Догнать или узнать в темноте она никого не могла. А фонарей в деревне было «раз два и обчёлся». А те, которые зажигали перед праздниками, горели не больше недели. Но и против старухиных нововведений придумывались разные способы.

Мы подходили к дому тёти Хроси. Я отдал гармошку Виталику, одному из моих друзей, который тоже неплохо играл на гармошке, а сам вместе с Сашкой, с другим своим другом отстали от всех. Когда вся компания проходила мимо, мы стояли и смотрели, что будет. Старуха открыла калитку и с интересом смотрела, что же случилось, почему никто не постучал. Она несколько минут смотрела вслед уходящим, ничего не понимая. Когда закрылась калитка, и скрипнул засов, я ещё немного переждал, а потом постучал в окно. Старуха стремительно подлетела к окну, открывая его.

– Тётъ Хрось! Выгоняй коров! – крикнул я, и мы рванули от дома. Вслед понеслись дикие крики. Старуха своим криком переполошила всех собак на деревне. Поднялся лай. Мы хохотали от того, что разлаялись псы.

Половина нашей компании разошлись по домам в той стороне деревни, куда мы ходили. Остальные шли назад, громко разговаривая. Мы с Сашкой опять остались позади всех. Старуха опять караулила нас с дрыном. Она вышла, посмотрела вслед нашим друзьям, зашла во двор и затаилась. Шло время, но ничего не происходило. Она опять выглянула и, никого не увидев, пошла домой. В этот момент мы и постучали.

Бабка кричала, что всех нас узнала, что завтра расскажет нашим родителям, но нас это мало волновало. И так происходило много лет. Так каждый раз заканчивались наши летние ночные гулянья. Зимой, когда мы на каникулы приезжали из интернатов, из города, то никто и никогда не проделывал ничего подобного. Уже потом, я думал об этих наших проделках и считал, что старухе самой нравилось такое внимание молодёжи. Ведь больше никому пакости не делали так часто, как ей. На нашем поколении и закончились проделки. После нас больше и детей в таком количестве не было, а вскоре и вся деревня быстро исчезла. Кто умер, разъехался. Осталось

несколько жилых дворов. И осталось место. Я не знаю где и как умерла тётя Хрося, но, как только начинаю вспоминать юность, то вместе со всем плохим и хорошим вспоминается эта старуха, похожая на бабу Ягу. Грозившая всем расправой, но не исполнившая свои угрозы. Её помнят все.

Апрель 2010 г.

Змеинный день

На берег реки мы бежали последние несколько сот метров. Она всегда притягивала. Ходить от деревни далековато, более трёх километров. Но это не останавливало. Ездили и на велосипедах, но только купаться, если на рыбалку или ещё чего, то пешком. Река Туманшет в наших местах одна из чистейших. Поселений на берегу совсем немного. Вода чистая и тёплая летом. В те времена была только одна проблема – по реке плавил лес. На последних двадцати – тридцати километрах до самого устья летом работали сплавщики. Весной по большой воде большая часть леса проходила на другую реку Бирюсу, куда впадал Туманшет, остальной лес, застрявший в протоках, выброшенный большой водой на берег, сплавщики толкали тракторами, катерами и баграми в русло. Растаскивали огромные заломы, которые, бывало, перегораживали реку с берега на берег. Разрушались берега, раскапывалось русло на мелководьях, но, как ни странно в этой страшной круговерти водилось немало рыбы. Рыбаки лазили по заламам, рискуя упасть, выискивая уловные места. А ребяташки на шивёрах таскали пескарей. Ловили по несколько килограммов на удочки. На реку бегали не только рыбачить, но и просто отдыхать, купаться, искать приключений. Я с друзьями переплывал на другой берег и поднимался вверх на гору, где росли необычайно красивые цветы. По другому берегу проходит железная дорога. И нам было интересно ходить по разогретым летним солнцем шпалам, находить красивые камни среди щебня. Да мало ли чего интересного было в неизведанных местах для неизбалованных чем либо новым деревенским ребяташкам. Когда подросли немного, и нам стало по тринадцать лет, мы уже ничего нового не искали, кроме приключений.

В тот раз нас было двое. Я и мой друг Сашка пришли на реку, что бы покататься на плывущих по реке брёвнах. Мы подошли на берег возле мочила. Здесь на деревенский «Дунай» впадал в большую реку. Устье «Дуная» было нешироким, но глубоким и тихим. Здесь специалисты ловили небольших щук на петлю. На конец длинной палки привязывали толстую леску, делали из неё петлю и очень тихо ходили по берегу, выглядывая греющуюся на мелководье возле берега щуку. Аккуратно надевали на неё петлю и резким рывком выбрасывали её на берег. Ещё в мочиле стояла лодка-долблёнка. Её хозяин дядя Саша Королёв, бывший фронтовик. Выше среднего роста, худощавый, молчаливый и даже тихий по жизни, но все знали, что дядя Саша очень вспыльчивый и неукротимый в своей ярости. Однажды, он стал свидетелем, как медведь набросился на корову из деревенского стада, что паслось здесь же на лугах и выходило к реке на водопой. Недалеко от его лодки был брод через мочило, там зверь и скараулил животное. Дядя Саша схватил шест от лодки и с ним наперевес бросился на медведя. Зверь бросил корову и скрылся в болоте. Корова осталась жива, но молока больше не давала, и её после сдали на мясокомбинат. А через неделю деревенские мужики организовали облаву и убили этого медведя на болоте. Произошло это событие за месяц до того, как мы с Сашкой пришли покататься на брёвнах. Дядя Саша её славился своими способностями. Лучше него никто не мог делать столярные изделия для колхоза. Он делал сани, телеги, кошёвки. Сам делал колёса для телег. Сколько я помню, возле его дома всегда что-то делалось, что-то сохло. Лучше него никто не мог делать лодки. Хотя в деревне были и ещё столяры, но у них была специализация. Один лучше других делал окосячку, рамы, столы, табуретки. Шкафы и прочую мебель. И не абы, как, а в шип. У меня в прихожей стоит и сейчас стол, который был подарен моим родителям на свадьбу. Он и сейчас крепкий и хороший. Другой столяр лучше всех делал кадушки. Он, конечно, ладил не только кадки, но у него они получались лучше, чем у других.

Разделись мы с Сашкой возле лодки, одежду повесили повыше над землёй, чтобы не сжевали коровы. Красть здесь было непринято. В деревне в то время и дома никто не замыкал, запихнут в пробой вместо замка колышек, чтоб свиньи в дом не залезли. Если кто и придёт, то видит, что никого нет дома. По бревну мы перешли мочило и пошли вверх по реке, надеясь там поймать пару брёвен и на них сплавиться вниз.

Тропинка шла среди кустов шиповника, мы шли аккуратно, чтобы не нацеплять колючек. Так продолжалось недолго, дольше тропинка шла по высокому чистому берегу. Вдоль реки здесь росли тополя, словно охраняли реку и укрепляли берега от вымывания. Вскоре мы подошли к месту, которое называлось «Степанова избушка». Почему оно так называлось, можно было догадываться, но точно я не знал. Весь берег вдоль деревне имел свои названия. Место, где мы оставили одежду, называлось «Крест». Почему так? Может быть там тонули много, но я об этом тоже не знаю. Хотя про один случай помню. Но название появилось гораздо раньше. Дальше вниз по течению место называлось «Камень». Там на правом берегу лежит огромный камень. Ещё дальше «Белая речка», а там я и не знаю больше названий. Там, за «белой речкой» стоит железнодорожная станция. А ещё через пару километров Туманшет впадает в Бирюсу.

Вверх по течению мы прошли пару километров. Только там были заломы, где можно оседлать пару брёвен. Залом был красив. Вздрыбленные брёвна мощным горным хребтом тянулись от берега к середине реки и опять к берегу. За этим хребтом была небольшая заводь, куда плывущие деревья скапливались и громоздились друг на друга. Лишь некоторые лесины вырывались из этой ловушки и продолжали свой путь. На краю этой заводи и нужно было брать брёвна, больше нигде. Но до края нужно ещё добраться. Там весь лес был на плаву, а по таким брёвнам ходить непросто. Они крутились под ногами, тонули, а ещё, где не было коры, они скользили. Самое главное никак нельзя было упасть. Если упадёшь, то брёвна сомкнутся над головой, и выбраться уже возможности не будет никакой. Под брёвнами течение несёт ещё дальше под залом, а там конец.

Мы с Сашкой стояли на краю твёрдого залома и высматривали себе брёвна, которые предстоит оседлать. И выбирали путь по которому можно было добраться к тем брёвнам. Выбрав два небольших бревна, мы решились. Я пошёл первым. Пробежав по толстым соснам, державшим меня хорошо. Они утоплены глубоко в воде и поэтому почти не крутились. На одном из них, я даже остановился, выбирая путь дальше. А дальше были сложности. До следующего большого бревна мне не допрыгнуть, нужно было наступить на тонкое брёвнышко, причём на его край. Но стоять особо времени не было, а тем более возвращаться практически невозможно. Все мысли пролетели в одно

мгновение, и я наступил на бревно. Вышло всё неудачно. У меня в голове только промелькнула мысль; «Только под воду не нырнуть». Я распахнул руки и, обхватив соседние брёвна, задержался на поверхности, и, как пробка выскочил на нужное бревно. Вскочив на ноги, я быстро перескочил на нужные нам лесины и махнул рукой Сашке. Он пробрался без приключений. Мы, обхватив ногами два бревна, стали отталкивать. Течение прибывало наш «корабль» к залому. Но возврата не было. Нам повезло, прямо Сашке в руки приплыл обломок доски, похожий на весло. Благодаря нему, мы сумели отчалить. И тут я почувствовал, что болит бок. Оказалось, что обе стороны у меня ободраны до крови и рука тоже. Но ничего опасного. Боль терпима, кровь проступила, но не текла. Вода в реке тёплая, день хороший, настроение ещё лучше. Всё отлично.

– Я подумал, что тебе хана, – сказал Сашка, когда все волнения немного улеглись.

– А я не успел испугаться, так всё быстро случилось.

– Хорошо, что ты руки расставил, а так бы и выныривать там негде было.

– Посмотри, что осталось, – я поднял руки вверх, показывая расцарапанные бока и руки.

– Нормально, заживёт быстро.

– Нормально, – согласился я. – Бревёшко тонкое оказалось, и скользкое.

– Бывает, – ответил Сашка. – Зато сейчас кейф.

– Да, – согласился я.

Мы плыли по реке, куда несло нас течение. Рулить даже и пытались. Брёвна не лодка, на них веслом не порулишь.

– Сань, нас несёт к другому берегу.

– Ну и пусть. Ближе к «кресту» спрыгнем, и вплавь доберёмся до берега. «Крестом» называли место, где две половины реки, огибая остров, снова сливались в одну струю.

– Ладно.

Мы сидели на брёвнах и смотрели на берега. С реки они выглядели по-другому. Мы не любовались ими, а просто отмечали то, что не видели на берегу. Осматривали и дно. Сквозь прозрачную воду виднелся чистый галечник на дне, мелкие рыбёшки, сновавшие по своим делам.

Так продолжалось с полчаса. Нас относил всё дальше от нашего берега. Место там широкое, вода тихая, и плыть можно спокойно. А плавать мы умели неплохо. Вскоре река разделялась островом, и чтобы не плыть далеко вниз, мы решили покинуть наш «корабль». За островом можно проплыть, там течение быстрое, даже интересней, чем по тихой воде, но потом нужно далеко возвращаться до нашей одежды. Мы одновременно прыгнули с брёвен, медленно поплыли к берегу. Я плыл метра на три выше по течению, но наравне с другом.

– Смотри! – вдруг заорал Сашка. Я даже вздрогнул от неожиданности. Он кивнул мне головой, куда нужно смотреть. Как раз между нами, посередине плыла змея. Это была гадюка, которых в наших местах водится много. Как она попала в реку, кто знает.

Давай быстрее к берегу, там её перехватим. Мы рванули, как на соревнованиях. Змея плыла тоже быстро. Немного высунув голову над поверхностью, она извивалась всем телом. Зрелище красивое, но змея ядовитая, и нужно от неё держаться подальше. Берег в том месте оказался неприступным. У кромки воды небольшая полоска гравия, а дальше отвесный берег, на который взобраться не было возможности ни нам, ни змее. Прямо у берега на отмели лежало толстое бревно. Оно было в воде. От него до гравия ещё была полоска воды. Я выбрался выше бревна, Сашка чуть ниже. Змея плыла прямо на бревно. Убегать было некуда, и мы быстро вооружились большими камнями, лежавшими здесь же.

– Если она кинется на нас, то прыгай в воду и уплывай, в воде она не догонит, – сказал я. Мне приходилось, толи где-то слышать, толи читать, что змея в безвыходной ситуации может броситься на человека. А у нас такая ситуация, бежать некуда.

– Я знаю, – Сашка был невозмутим.

Как только змея заползла на бревно, мой друг кинул камень, и сразу удачно. Камень попал точно в голову, и всё было кончено. Мы какое-то время рассматривали змею, а потом столкнули её в воду.

– Налимы сожрут, – сказал мой приятель, – чего она тут делала?

Ему не очень понравилось это дело, но так получилось. Мы снова залезли в реку, и остаток пути поплыли по течению вниз. Возле мочила на мелководье мы вылезли на берег и разлеглись на солнце загорать.

Ближе к вечеру мы направились домой. Одежда наша висела на месте. Одевшись, мы не торопясь, побрели с явной неохотой. Здесь было хорошо.

Уже на подходе к деревне, Сашка вдруг с силой ударил меня в плечо. Я отлетел в сторону, и едва не упал.

– Ты чего! – заорал я, ничего не понимая.

Приятель молча указал пальцем на тропинку. Там куда я должен был наступить, свернувшись, лежала большущая гадюка. Она грелась на солнышке. Как Сашка увидел её, мне было непонятно, но вся моя агрессия вылилась на змею. Если бы не друг, я бы наступил на неё, и соответственно она укусила бы меня. Я схватил большой старый сосновый сук, валявшийся неподалёку, стал им колошматить змею, не давая ей возможности напасть. Мне было не по себе от мысли, что она покусала бы меня. Вскоре я разmozжил ей голову. Подцепив её палкой, мы притащили змею в деревню. Спрятали около клуба, а вечером пугали ей девочек.

Мне и потом приходилось встречаться со змеями. Я их особо не боюсь, но и в руки брать не буду. Но тот день мне запомнился на всю жизнь.

Сбросил

Дядя Ваня и тётя Нина добрейшие люди. Сейчас они имеют правнуков. За все десятки лет, которые я их знаю, никогда не слышал от них ни одного плохого слова. Дядя Ваня невысокий коренастый мужик, как говорится, от земли. Небольшой на вид, но попробуй, сдвинь его с места. Там, где на вид крепкие мужики не могут чего поднять, он делал это легко. Особенно такое проявлялось на покосе, когда метали зароды. Он цеплял на навильник столько сена, что не каждый мог поднять его, не то, что забросить на зарод. И не только забросить, а именно туда, куда укажут. Если закинешь не туда, всё сено полетит назад, да ещё и матюгов не оберёшься. Характера дядя Ваня спокойного. Он не ругается. Если, что и говорит, то с улыбкой. Половину жизни он проработал пасечником. Пчёлы у него водились. Сначала он нанимался на

производственные, а когда вышел на пенсию завёл себе несколько домиков, которые держит до сих пор.

Тётя Нина дородная приятная женщина деревенская мужу. Многие годы она прожила в деревне, работала в сельском хозяйстве. Но было время, когда она работала на железной дороге, на путях, в ДОКе на производстве ДСП. На пенсию вышла с подорванным здоровьем. Но жили без посторонней помощи. Старались ещё помочь детям. Две их дочери давно замужем, живут неплохо. Старики кроме пасеки держали корову, овец, свиней, а также разную птицу.

В то время они в числе нескольких семей проживали в деревне. Все уже разъехались по разным местам: кто в соседние деревни, кто в город, поближе к детям и к цивилизации. Дядя Ваня, чтобы самому ездить в соседнюю деревню за хлебом, да ещё за чем-нибудь, купил себе мотоцикл «Урал» с коляской.

С водкой у дяди Вани отношения были особенные. Он бросал пить и вёл трезвый образ жизни по несколько лет. Потом срывался и год-два пил напропалую. Пил всякую заразу, что горит. Как он говорит:

– Если пить, то пить, а иначе и не стоит и начинать.

Такие его высказывания не всем нравились, но в них была своя правда. Чтобы так рассуждать, нужно прожить не простую жизнь. Он так рассуждал и так жил.

В тот день дядя Ваня поехал в соседнюю деревню за продуктами. Уехал, как водится, с утра. Любое доброе дело начинается с утра. Приехал нормально. Закупил всё, что нужно, аккуратно уложил в коляску. Взял и бутылку водки. С кем распить нашлось быстро. Во всех соседних деревнях хватало знакомых и родственников. Лиха беда – начало. И день прошёл достойно. Дядя Ваня едва сидел на мотоцикле. Остаться переночевать, для него было делом практически невозможным, тем более в таком состоянии. Как он ехал, это загадка, но до своей деревни он не доехал совсем немного, метров двести-триста. А до своего дома с километр. На спуске с некрутой горы, где дорога проходила возле кладбища, дядя Ваня немного не справился с управлением, даже странно по какой такой причине. Мотоцикл съехал на обочину и заглох. Что было дальше – загадка, но каким-то образом дядя Ваня пришёл домой. Когда он ввалился в избу, тётя Нина обомлела. Её муж был не пьяный, а просто никакой.

– Хозяйка, я хочу спать, – сказал он и стал прикладываться на полу возле печки.

– Иван, ты, что, очумел совсем! Где мотоцикл?

– Потом. Я спать хочу.

– Ты, что все деньги пропил?

– Там всё в коляске.

– А мотоцикл где?

– На дороге.

– Где на дороге? Ты зачем его бросил?

– Он меня сбросил. Я что, за ним бегать должен?

– Как сбросил? Ты упал куда, что ли?

– Он меня сбросил возле кладбища, а я за ним бегать не стал, чего я за ним бегать буду. Да куда он денется? Он заглох.

– Ты охренел, старый, ну-ка пошли за мотоциклом!

Она растолкала мужа и заставила идти за пропажей. Шли долго. У тёти Нины больные ноги, едва ходила, а дядя Ваня пьяный до невозможности. И темно было уже.

Мотоцикл стоял на месте, где его бросили, уткнувшись передним колесом в большой комок засохшей грязи. Если бы не это препятствие, он скатился бы в глубокий кювет. Не выключенный свет едва горел, аккумулятор сел. Кое-как вдвоём они вытолкали мотоцикл на дорогу. Дядя Ваня сел на него и сказал:

– Толкай, так не заведёшь. Тётя Нина стала толкать. Дорога шла под уклон, и мотоцикл покатился довольно проворно, а вскоре и завёлся. Дядя Ваня, не останавливаясь, поехал по дороге. Тётя Нина кричала вслед, но он уехал. Она осталась одна на дороге возле кладбища, да ещё и в полной темноте. Натерпелась страху, ругалась, плакала от обиды, но делать нечего, пошла домой. Когда она пришла, мотоцикл стоял в ограде, ворота были закрыты, свет везде погашен. Она попыталась зайти в дом, но дверь оказалась заперта изнутри.

– Иван! Ну-ка открой! – кричала она, – открой, дурень старый! Долго стучала, но за дверью было тихо. Она совсем было отчаялась и села на крыльцо. Слёзы сами потекли по щекам. Мало того, что бросил на дороге, ещё и домой не пускает. Она ещё яростней стала стучать. Наконец за дверью раздался сонный голос:

– Кто там?

– Сейчас узнаешь! Ну-ка открывай, гад такой!

– Нин, ты что ли?

– Открывай, давай! Узнаешь что и почём!

– А ты чего по ночам бродишь? Где это ты была?

– Открывай, узнаешь, где была! Всё узнаешь!

– Иди туда, где была. Нечего по ночам блудить.

– Я сейчас возьму лопату, повыбью все окна, залезу и всё объясню, – спокойно сказала тётя Нина.

– Ты чего? Не надо бить. Я сейчас открою.

Звякнул запор. Тётя Нина вошла домой, полная решимости отомстить. Но увидев ничего не понимающие глаза мужа, оставила разбор на завтра.

Утром дядя Ваня ничего не помнил. Ему с похмелья было плохо, а тут ещё и по лысине получил ладошкой. Тётя Нина ругалась, но злость прошла, и всё происходило более-менее мирно. Она рассказывала и сама смеялась. А виновник только бормотал:

– Ты хозяйка не выдумывай. Не может быть такого.

– Я, что сочинила всё, – смеялась тётя Нина.

– Это же надо? Не выдумывай.

Через час они сидели за столом и завтракали. Тётя Нина пожалела мужа, достала, спрятанную чекушку. И сама пригубила за компанию.

– Спасибо, хозяйка, – сказал дядя Ваня, – это же надо чего сотворил.

После этого он в очередной раз бросил пить.

Апрель 2010 г.

Хреновину

– Не проедешь!

– Проеду!

– Свалишься.

– Не свалюсь.

– Пошли, – сказал мой дед Анохину.

Анохин – человек пришлый в нашей деревне. Откуда приехал неведомо, а родом он был из Забайкалья. Из той породы людей, предки, которых умели пронестись наперегонки с ветром на низкорослых выносливых лошадках по бесконечным Забайкальским степям. Но это было давно. Теперь навыков поубавилось, а у некоторых и вовсе не осталось.

Анохин невысокого роста, но достаточно крепкий. Он из тех, кто умеет всё, особенно на словах. Хотя и не из тех, у кого всё, что не говорить, сплошная болтовня. Мой дед, которому тогда было немного за пятьдесят, немного неуклюжий, но силой не обижен. Где у него не хватало смекалки, брал силой. С лошадьми дед с детства, потому, что вырос в деревне, и вся жизнь у него прошла в селе. В последнее время он работал конюхом

Лошадей в деревне было немного. Половина из них рабочие. Ходили в санях, телегах, под плугом, таскали конные сенокосилки. А так же, ходили под седлом. В табуне был и молодняк, который, по достижении нужного возраста, нужно обучать. До этого молодняк ходил в табуне и был почти дикий. В руки не давался, к себе не подпускал. Обучали по-разному: которых под седло, которых в хомут. Единственно общее это то, что обучали или зимой, или ранней весной, когда уже не было морозов, но кругом лежал почти нетронутый снег. Обычно такие занятия приходились на мартовские каникулы. Для старшеклассников была потеха и нужное дело, а также показать свою силу и сноровку, а тем, кто поменьше – красивое зрелище и своеобразная учёба. Нужного коня ловили арканом, в специальном месте запрягали в старые крепкие сани, а потом на сани громоздилась куча желающих прокатиться. Главное нужно сесть так, чтобы ни за что не зацепиться. Когда молодого напуганного коня отпускали, при первом же рывке, больше половины «пассажиров» слетали с саней, словно и не сидели. Потом гордое сильное животное старались направить в «целик» нетронутый глубокий снег. Когда коня выматывали, он начинал подчиняться вожжам. Тогда выруливали на дорогу и там, ощутив небольшую лёгкость, конь резво летел по деревне, куда обязательно его, чтобы показать всем свою удаль, а также просто пронестись по деревне, подразнить собак.

Дед взял аркан и вместе с Анохиным пошли во двор, где стояли кони. Молодняк держался немного особняком.

Мы, несколько пацанов, как воробыи сидели на высоком заборе и наблюдали за происходящим. Для нас происходящее было очень интересно.

– Которого? – спросил Анохин.

– Вон того, – указал дед на высокого стройного чёрного коня.

Анохин медленно стал подходить с молодняку. Лошади заволновались и стали уходить. Но Анохин показал себя неплохим специалистом ловлей арканом. Он с первого раза накинул аркан на нужного коня. Дал пробежаться несколько кругов по кругу, потом вместе с дедом стали подтягивать его к столбу. Там, пропустив верёвку через бревно, подтянули коня, ограничив его свободу, и стали одевать уздечку. Вскоре всё было готово. Конь стоял возле забора, подрагивая всем телом. Анохин прямо с забора медленно сел на коня. Тот почти не среагировал, только затрясся ещё сильнее.

– Готов? – спросил дед.

– Отпускай, – Анохин крепко сжал узду и словно приклеился к бокам ногами. Дед молча дёрнул узел, и верёвка слетела. Конь какое-то время ещё стоял неподвижно, но вскоре взвился вверх, а потом стал бить задними ногами. Ездок крепко сидел, пытаясь усмирить коня. Конь продолжал вставать на дыбы, бить ногами, но Анохин умело держался. Тогда конь помчался вдоль забора по кругу. Ездок, немного, расслабился и поплатился за это. Конь на всём ходу вдруг выставил передние ноги вперёд и согнул голову. Он остановился так резко, что Анохин, как на санках проскользил через шею коня и, не меняя положения, на заднице покатился по «глызам». Так у нас в деревне называли замёрзший лошадиный помёт. Конь отскочил назад и побежал к своим собратьям. Анохин медленно поднялся на ноги. Мы сначала разинули рты, а потом потихоньку захихикали, потому, что над взрослыми смеяться нельзя, но получилось очень весело. Дед, молча, скрутил аркан и кинул его Анохину:

– Уздуними, – сказал он. – Хреновину, – добавил дед, махнул рукой и пошёл в хомутарку.

Апрель 2010 г.

Серёга

В те далёкие-далёкие времена, когда мороженое продавалось на улице с тележек в вафельных стаканчиках, газированная вода была в киосках по три копейки за стакан с сиропом. Когда в кинотеатре на все сеансы залы были полные. Телевизор можно было увидеть только в кино. Когда популярны были радиоспектакли. И про хоккей у нас знали совсем немногие. Когда по вечерам на большой поляне футбол гоняли вместе и дети, и взрослые, не мешая друг другу. Когда зимой по воскресеньям на горе народу было полным полно, катались на санках, лыжах и просто на всём, на чём можно было кататься. В те времена, когда всё было прекрасно, когда особо завидовать было нечему, в моём весёлом и беспроblemном детстве был у меня друг Серёга. Жили мы по соседству. Наши родители были хорошими соседями, никаких проблем не возникало. У нас с Серёгой бывали стычки, но это не в счёт. Мирились мы практически сразу. У Серёги характер был вспыльчивый и иногда он вытворял что-нибудь непотребное. Правда стычки у нас были в самом начале, а чем больше мы выросли, тем меньше их возникало, а потом и вовсе раздоры прекратились. Серёга был отчаянным, как сейчас говорят «безбашенный». Любимым нашим занятием зимой было кататься на лыжах. Горы находились недалеко. Мы пресекали железнодорожные пути, проезжали через замерзшую болотинку, а там небольшой подъём, сразу за ним кладбище и гора. Первая не очень крутая, но достаточная для хорошего катания. Лыжни прокладывали среди деревьев, поэтому место было для всех. Катались там, где кто мог. Кто неплохо стоял на лыжах выбирали места поопасней, поинтересней, с разными сложностями. Многие любили попрыгать на трамплине, собирая много зрителей. Некоторые, как мы с Серёгой любили приключения и катались везде, где можно и где нельзя. Катались парой, я скользил впереди, а мой друг сзади в метре от меня, что было особым шиком. Если бы я упал, то Серёга точно наехал бы на меня, а я не падал, и у нас всё было красиво. Но и я не всегда пытался проехать, где ездил Серёга. Не потому, что я боялся не справиться, а потому, что если сломаются лыжи, новые у родителей не допроситься. А на гору хотелось. У моего друга с этим было проще, и поэтому он мог позволить себе побольше моего. Например, он мог спрыгнуть прямо с отвесной трёхметровой стены в сугроб, где

под снегом могло находиться всё, что угодно. Там можно было поломать лыжу очень даже просто, что Серёга иногда делал. Были места, где кроме нас никто не мог прокатиться, и мы демонстрировали своё превосходство на публику. Была гора, которую все называли «трясучка», сейчас это называется «могул». Лыжня прокладывалась по тропе среди кочек. Устоять на ней было очень сложно. Из нашей компании только мы с Серёгой проходили это испытание. Ещё большим удовольствием у нас было провезти новичка за собой по хитрой лыжне. Лыжня не сложная, ничего особенного, кроме одного хитрого поворота. Скорость небольшая, хитрость была, чтобы проехать друг за другом не дальше метра. Я шёл первым, Серёга за мной, а новичок последним. Всё по-честному. Скатываясь с небольшой горки, мы выезжали на небольшую развилку, которая находилась на взлобке. Это место было укатано и поворачивать там очень непросто. Дальше начиналась гора покруче, и ехать можно по лыжне, проходившей между двух сосен или уходить резко влево, где места хватало. Я сворачивал в сторону, Серёга летел между сосен, а третьему ехать было некуда, свернуть никуда он не успевал. Приходилось падать и лёжа въезжать в мелкий березняк. Ничего опасного, смеху много. Кто-то возмущался, но мы предлагали проехать в другом порядке, я или мой друг следовали последними, и всё проходило благополучно. Тогда появлялись другие желающие проверить себя. Оканчивалось плачевно. Только мы с другом знали, что начинать поворачивать надо раньше и не смотреть, на едущего впереди. Многие делали несколько попыток, но без пользы.

Была и ещё одна гора, куда ходили немногие. Гора высокая с двумя ярусами. Скорость на ней можно развивать очень большую. Когда летишь вдоль склона, то не чувствуешь, что касаешься снега, но зато при выезде на ровный участок так прижимало к земле, что некоторые неопытные катальщики нередко падали. Это было опасно. Здесь уже никто не шутил. С самого верха катались не все. Нам нравилось носиться с горы под завистливые и восторженные взгляды, но была одна небольшая проблема. С горы скатывались быстро, а забираться приходилось долго. Зато не холодно.

В тот день мы не пошли в школу. На улице утром мороз сорок пять, а в такой холод в школу можно не ходить. Мы и не пошли. А как только развиднелось, мы направились на гору. Одевшись потеплее, взяв по куску хлеба в карман, направились кататься. Как оказалось, таких, как мы, «закосивших» от школы из-за мороза было

довольно много. Сначала катались просто так, чтобы не замёрзнуть, потом на ровно укатанной нижней площадке выписывали «кренделя», не зная, что это называется «фристайл». Каждый показывал своё умение пользоваться лыжами.

– А задом ты можешь? – спросил меня Серёга.

– Попробую, – я покатился вниз и когда выехал на площадку, резко развернулся и поехал спиной вперёд. Я думал, что лыжи упрутся в снег, ведь они не загнуты там, но ничего не случилось.

– Давай ты! Нормально! – крикнул я. Серёга тоже повторил этот фокус. И мы начали осваивать новое для себя занятие. Было очень интересно. Мы ездили передом и задом, пытались крутиться по несколько раз. Очень скоро всё стало получаться. А мы придумывали всё новые номера. Были счастливы и совсем не чувствовали холода.

– А, давай, кто больше прутиков обвернёт? – предложил Серёга.

– Давай, – согласился я. – Но я больше обверну.

– Нет, я больше, – мой друг не уступал. Мы наломали еловых веток и поставили в одну линию. Первым как всегда поехал я. Сначала всё было хорошо. Я обруливал ветки. Серёга делал тоже самое, а потом мы забирались всё выше на гору, увеличивая скорость. Настал момент, когда я сделал ошибку, а Серёга проехал. Радости у него не было предела. Мне было немного обидно, но делать нечего, я сам затеял спор. Но Серёгу уже понесло:

– Давай, кто дальше прыгнет?

– Давай, – нехотя согласился я. Здесь у друга шансов было побольше, хотя и не намного.

– Только пусть кто-нибудь замеряет, – сказал Серёга. Желающие нашлись сразу, тем более зрелище неплохое.

– Я первый начну, давай договоримся, что если упадёшь, то прыжок не считается, – я пошёл на гору. Серёга возражать не стал, что я опять начинаю. Я стоял на горе и смотрел, как пацаны лыжами расчищают место за трамплином, чтобы было хорошо видно место приземления. Трамплин был небольшой, и прыгали с него недалеко, всего метров пять-шесть, но и это было достижение. Я прыгнул посредственно, но это была первая попытка из пяти. Серёга сиганул гораздо дальше. Мне ничего не оставалось, как приложить все усилия. В тот раз, наверное, всё сложилось, как надо, и я улетел очень

далеко, так до этого никто не прыгал. Серёгу это больше раззадорило. Он снова прыгнул, но не долетел. Я уже не ходил прыгать, сохраняя попытки, а ему всё никак не удавалось допрыгнуть.

– Здесь я сильнее.

– У меня есть ещё одна попытка, пробормотал Серёга, полный решимости. Он долго стоял на горе, мне показалось, что он уже не прыгнет. Наконец, он резко оттолкнулся и, согнувшись в небольшой комочек, покатился. Улетел он дальше меня, но упал. Он долго лежал, не шевелясь. Я подумал было, что что-нибудь случилось, но Серёга встал, молча снял лыжи и об колено пополам сломал обе лыжи. Захватив с собой только полужёсткие дефицитные крепления, он направился домой.

– Зачем ты лыжи сломал? – спросил я, поражённый увиденным.

– А зачем они мне такие нужны? Серёга медленно поднялся на гору и исчез за бугром. Мы все долго смотрели вслед.

– Псих, – сказал кто-то, – пойдём лучше костёр разведём.

Мы грелись возле костра, жарили на палочках кусочки хлеба. Все молчали. Сразу стало холодно даже возле костра. Ещё некоторое время я погрелся и потом тоже побрёл домой.

Мой детский друг Серёга и сейчас живёт в нашем городе. Мы встречаемся очень редко, даже не каждый год. Но когда это происходит, мы рады друг другу, вспоминаем разные наши приключения и проделки, которых было очень много, и не только зимой. Серёга постарел, конечно, выглядит старше своих лет, но всё такой же живой, подвижный. И самое главное у него не исчезла та бесшабашная искорка в глазах.

Июль 2010 г.

Ромка и Рой

Они были из зимнего помёта. Зимние щенки росли крепкими и здоровыми, так считалось. Охотничьим собакам нужно и крепкое здоровье и выносливость. Хозяин их выбрал для себя. По каким-то приметам они показались ему самыми лучшими.

Остальных разобрали быстро. Их родителей знали многие охотники, и каждый хотел если уж растить собаку, то хороших кровей. Из того помёта все щенки оказались достойными. Но для охоты эти двое оказались самыми хорошими. Хозяин выбрал клички для них на букву «р». Рой белый с чёрными большими пятнами. Ромка же светло-бурого ровного цвета. Их мать сука Рада была тёмно-пепельная. Умница и на охоте, и во дворе. Послушная и старательная. Одинаково хорошо работала на птицу, крупного зверя, даже не боялась медведя. Она взяла всё самое лучшее от своей матери, которую звали тоже Рада. Кроме того, что Рада была хороша на охоте, у неё был ещё один плюс в том, что она была сука. Когда на охоте в компании попадают кобели, бывает, что ещё до своей работы они передерутся, поискалечат друг друга, а когда нужно на охоту, то они зализывают свои раны. Охотничьи собаки дерзкие, неуступчивые. И их потасовки в большинстве случаев заканчиваются плачевно для всех. А сука держится от свар в стороне, правда если она загуляется, то тогда пропала охота, но таких, обычно, в это время не берут с собой.

Щенки росли не очень подвижными. Всё больше ходили по углам огромного двора и познавали мир или спали. Редко играли друг с другом, и без особого азарта. Хозяин много раз пытался сравнить их между собой, но они не поддавались ни на какие провокации. Недоумённо поглядывая на хозяина, они просто убегали от него. Когда выросла трава возле дома, для щенков открылся особый мир. Они подолгу лазили по траве, что-то вынюхивая. Новые запахи волновали и заставляли искать непонятно что. Было видно, что в них срабатывает инстинкт предков, но попытки научить их драться были безуспешными.

В середине лета щенкам исполнилось полгода. Их хозяин, которого звали Александр, предложил мне съездить на покос, посмотреть траву и заодно взять с собой щенков вместе с Радой. Александр – охотник-любитель. У многих охотников есть большое желание, как можно больше добыть, а некоторые любили красивую охоту. Александру особенно нравились глухариные тока по весне, а осенью охота на птицу с собаками. Также он добывал и коз, не с машины с фарами, а собаками. Чтобы собаки могли тягаться в скорости с козами, нужно их готовить со щенячьего возраста.

– Им пора лес показать, – сказал он, – да и поучить бегать надо.

– Они, что не умеют бегать? – удивился я.

– Сейчас им надо много бегать, развивать лёгкие. Если не тренировать, то уставать будут быстро. Могут хорошо работать, но бросать зверя.

Мы загрузились в мотоцикл «Урал». В коляске восседали Рой и Ромка вместе со своей матерью. Через десять километров свернули на покос, находившийся в полутора километрах от дороги. Собаки попрыгали из коляски и дальше следовали своим ходом.

В тот год трава на покосе была никудышная. Дождей давно не видели, всё посохло. Мы решили попить чайку. Чай, приготовленный на костре, да ещё с различными травками, да «с дымком» и на свежем воздухе, что может быть лучше. Мой напарник стал собирать костерок, а я пошел нарвать листьев малины, смородины, корней и ягод шиповника.

Котелок и другие принадлежности находились в коляске мотоцикла. Вскоре небольшой костерок потрескивал, навевая особенное настроение, вода в котелке шипела. Хорошо. Чай вышел отменный. Не потому, что мы особенные специалисты, а просто любой чай, сваренный на костре, всегда вкуснее приготовленного дома, а тем более с травами.

Собак не было. Попивая душистый чай, мы молчали. Александр смотрел в догорающий костёр и о чём-то думал. Я поглядывал по сторонам, пытаюсь увидеть собак.

– Не потеряются?

– Здесь теряться негде, – сказал мой напарник совершенно спокойно. – Мышкуют где-нибудь.

Остатками чая, затушив костёр, мы стали собираться.

– Может, на солонец съездим? – предложил Александр. – Здесь недалеко.

– Поехали, – согласился я, – собак звать будем?

– Мотоцикл услышат сами прибегут.

Мы медленно тронулись по пыльной лесной дороге. Собаки догнали нас быстро. Сначала они бежали цепочкой. Спереди Рада, затем Рой и последним Ромка. Но так продолжалось недолго, когда Александр добавил скорости, за мотоциклом успевала только Рада. Щенки немного отстали. Затем Рой резко догнал суку и, уцепившись зубами ей за хвост, стал волочиться следом. Рада какое-то время терпела это, а потом резко остановилась. Рой от неожиданности выпустил хвост и снова остался один на

один с дорогой. Ромка честно семенил сзади в клубах пыли. Я сидел и смотрел за этим «цирком». Рой снова увеличил скорость, догнал Раду и на этот раз уцепился ей за шею. Вскоре она опять сбросила его. Так продолжалось несколько раз. В конце концов, она резко убежала вперёд мотоцикла, а оба щенка старательно семенили позади.

До солонца с километр мы шли пешком. Щенки уже перевели дух и вновь познавали новые для себя запахи. Теперь Рада была возле них, словно хороший учитель водила их от следа к следу, которых возле солонца было много. Солонец здесь сделан специально. У подножья большого расщепленного пня, а так же в сами расщелины было насыпано несколько мешков крупной соли. Рядом находился сделанный из жердей лабаз, место, где охотники поджидали зверя, приходившего на солонец.

Через час мы ехали дальше.

– Возвратимся в город по другой дороге, сказал Александр, – до асфальта собаки пусть сами бегут, а там возьмем в коляску.

– Далеко до асфальта? – спросил я.

– Километров пять.

Теперь Рада не давала уцепиться Рою, и все бежали честно. Ромка семенил последним. Сильно высунув языки, едва передвигая лапами, щенки бежали за мотоциклом. Когда доехали до дороги, в коляску сама запрыгнула только Рада, щенков пришлось садить руками, сил у них не осталось.

Уже без меня Александр ещё несколько раз возил собак на тренировки.

Через месяц щенки уже показали себя неожиданно. Покос заканчивался. Стояли погожие деньки, и мы вывозили сено. На таборе, где была добротная избушка, нас было четверо: я, Александр, Иван, рыжий мужик по прозвищу Балахон, который жил в этой избушке и летом, и зимой. Промышляя ягодами, грибами, гнал дёготь, заготавливал веники, тем и существовал. Загрузив тракторную телегу сеном, мы отдыхали на таборе, собираясь перекусить. Рой и Ромка вертелись тут же. Здесь же был Джек, кобель средних лет, Тофаларская лайка. Кобель крепкий, дерзкий, ярый любитель подраться, что у него неплохо получалось. Он потихоньку порывивал на щенков, но они особого внимания не обращали. Что уж там получилось, я не видел, но вскоре собаки схватились и слились в клубок, через мгновение все вместе они

свалились в ручей. Оттуда расползлись в разные стороны. Джек залез в коляску мотоцикла хозяина и рычал оттуда, а щенки сначала молча ходили друг за другом, отряхиваясь и не понимая что же произошло, а потом, видно, толи им стало больно, толи обидно, а, может просто сработал инстинкт, они стали с рычанием кружить возле мотоцикла с коляской. Всем стало интересно, чем же всё закончится. Джек чувствовал себя неуязвимым и просто порывался, щенки распалялись всё сильнее. Дальше всё произошло мгновенно: Рой уцепился за шею Джека, а Ромка ухватился за пах и они дружно выдернули Джека из коляски. Щенки, которым было по восемь месяцев, трепали взрослого кобеля достойно. Когда оттаскивали одного, другой спуска не давал. Драку пришлось разнимать по серьёзному. Щенки успокоились только тогда, когда изрядно помятого Джека спрятали в избушке. Мы сидели и не могли поверить в случившееся. Щенки, которые никогда не дрались, так сработали, что многие опытные собаки так не делают.

– Откуда, что взялось? – сказал удивлённый Александр, я не видел, чтобы они когда-нибудь дрались.

– А в них заложено с детства, – сказал Иван спокойно. – Как они начинают выслеживать зверя? Хорошо если с кем-нибудь, а то сами.

– Ну, сразу так, с первого раза? – Александр не мог отойти от увиденного.

Хорошие собаки – редкость. И вырастить их очень трудно. У другого есть все задатки, подойдёт время и видно, что толку не будет. То увлекается, то не оторвать от следа, то трусоват, то сдуру гонит зверя куда попало. Много причин. Но собаку держат в надежде, что время придёт и всё встанет на свои места. С некоторыми так и происходит, но многие и остаются непутёвыми. Тогда приходится растить новых.

– Что драться умеют, это хорошо, но как они на охоте себя поведут, это ещё надо посмотреть, – сказал Иван. Джек был его кобель. Ему не было жалко собаку, на то они и собаки, чтобы драться. Если Джек и оконфузился немного, так сам затеял потасовку, вот и получил, в этом не было ничего особенного.

– Через месяц сезон открывается, там посмотрим, что они из себя, – согласился Александр.

– А вообще кобели неплохие, – рассмеялся Иван, – не спустили моему, да так, что из будки не хочет вылезать. Будет с них толк.

Через неделю здесь же в моём присутствии точно так же получил другой кобель Ивана – Дик. Точно по такому же сценарию. Рой и Ромка ответили на наглость взрослого кобеля.

Рада пропала в начале осени. Её не привязывали, места были только для Роя и Ромки. Никто не думал, что она может пропасть. Она, как и все охотничьи собаки, нуждалась в походах в лес. И она уходила сама за город, благо, что жили на окраине, но возвращалась. Обычно она уходила к речке и там, в густых зарослях кого-то находила для себя. К чужим в руки не давалась, поэтому и не боялись, что её кто-нибудь поймает. Однажды она не пришла.

– Может ещё придёт? – говорил я. Уж больно хороша была собака. Не хотелось верить, что она больше не вернётся.

– Наверное в петлю попалась или в капкан. Понаставят капканов и не убирают? – Александр уже и не ждал.

– А какие сейчас капканы? – спросил я.

– Да с зимы. Там по реке на зайцев ставят. Поставить-то не проблема, но их же проверять надо, а потом и снимать. Мне приходилось встречать пропавшую добычу.

В первый же поход на коз оказался удачным. Сначала собаки куда-то исчезли. Александр сел перекурить, думая: «Пусть побегают, пообвыкнутся». Не успел он и докурить сигарету, как прямо на него собаки выгнали козу. Хозяин едва успел выстрелить. С первого раза всё получилось хорошо. Собаки немного покрутились у добычи и снова убежали.

Теперь Александр уже по лаю собак понял, как они работают. Один из них шёл по низу распадка, а второй по верху. Ромка заливался громким визгливым лаем, Рой же шумел не очень, но умело гнал зверя прямо на хозяина. Это завораживало. Словно их кто-то долго учил и они всё делали, как по учебнику. Собаки ещё несколько раз выгоняли добычу на Александра, но он больше не стрелял. Одному не донести столько, а зря стрелять он не хотел. Собаки с укоризной смотрели на охотника, мол, что же ты опрофанился, но снова уходили работать. С первый добычи собакам достался хороший ужин. Заработали. Ещё пару раз Александр порадовался собакам. Хороши выросли помощники. Хотя ещё молодые, но работали собаки совсем неплохо. Нужно было попробовать их и в другом деле. Хотелось посмотреть, как они работают по боровой

птице, как будут работать на крупного зверя. Надежд было много, но через месяц пропал Рой. Сорвался с привязи и ушёл. Его видели, как он бегал по улице, а потом исчез. Говорили разное: что увезли на машине, будто бы он сам запрыгнул в открытую дверь. Кто говорил, что будто бы пристрелили его. Но следов так и не нашлось.

Александр очень переживал. Ромка тоже не хотел работать без напарника. В лесу он больше искал его, чем работал. Прошло время. Ромка понемногу пришёл в себя, но работать он стал по-другому. Гонял зверя, облаивал птицу, но без азарта. Один есть один.

Прошло несколько лет. Ромка зиму сидел на цепи, а начиная с весны, хозяин часто брал его в лес. Для него это было огромным счастьем. Только в лесу он оживал. Мог днями носиться по лесу, изредка появляясь на глаза Александра, показывая, что он здесь. Если нужно было уезжать, он всегда появлялся если не на зов, то на выстрел. Любил ездить на технике. Были случаи и курьёзные. Однажды Александр что-то делал в огороде, когда вдруг услышал шум на улице. Он решил посмотреть, что случилось, и вышел за ворота. Как оказалось вовремя.

К соседям подъехал «москвич». Хозяева что-то грузили в машину и открыли багажник. Ромка, бегавший по улице, увидел открытый багажник и быстро запрыгнул туда. Выгнать его уже никто не мог. Он рычал и не подпускал никого. Хозяин машины схватил дрын и хотел махнуть на собаку. Вовремя вышел Александр.

– Мужик, – спросил он, – ты без штанов хочешь остаться? Потом будешь говорить, что собака виновата.

– А чего он залез сюда! – возмущался хозяин машины.

– Огрей, если успеешь. Ромка, пойдём домой, мы никуда не едем.

Пёс нехотя выбрался из багажника и поплёлся домой.

– Ты же знаешь, что собака приучен к технике, мог и постучать мне, – укоризненно сказал он соседу. Как дети, честное слово.

Вечером Александр взял рюкзак, ружьё, сел на старенький «Минск» и поехал в лес. Ромка на ходу запрыгнул на заднее сиденье. Передние лапы поставил на рюкзак, сел позади и поехал. Как и чем держался непонятно. Все соседи только ахнули. Мне самому пару раз приходилось ловить его и привозить домой таким способом. Я открывал багажник своей машины, звал его и он с великим удовольствием запрыгивал

туда, а вот вытащить его оттуда было проблематично. Ни на какие уговоры он не поддавался. Приходилось оставлять багажник открытым на ночь, если не было дома Александра. Слушался он только его.

Так прошло ещё несколько лет. Меня долго не было. Когда я приехал, у Александра во дворе были уже другие собаки. Я сразу ничего не спросил, а потом, после того, как выпили и закусили, пошли покурить на улицу, я спросил:

– А Ромка где?

– Нету Ромки, – сказал Александр, – погиб Ромка.

– Как это случилось? – спросил я.

– В последнее время он дома, какдохлый валялся. Кто хочет, идёт мимо, ни на кого не реагировал. Стоит только собираться на охоту, как он моментально оживал. Как он только чувствовал это. Тогда, а это было ранней весной. Снег ещё лежал местами, на реке лёд стоял. Взял я его в лес, а было совсем не вставал. Даже почти совсем не ел. Уже и староватый был.

– Сколько ему было? – спросил я, пытаюсь вспомнить когда же всё началось.

– Восемь с половиной. Тогда он совсем, какдохлый был. Решил я сходить с ним в лес. Стал собираться, и он ожил. Пошли с утра. По лесу он носился, словно щенок. Я даже подивился, как же на него охота действовала. Всё было нормально. В обед посидели у костра, я чаю сварганил. Потом какой чёрт понёс меня к реке. Там всё и случилось.

Он кого-то на берегу унюхал. Заходил по берегу туда-сюда, потом выкурил, кого я не увидел, скорее всего, ондатру. Как за ней летел, так и нырнул за ней в полынью. А что я мог сделать? Река всё ж. Там течение быстрое, а ниже ни одной полыньи не было. Лёд рубить, так ничего не видно было, да и топора не было. Вот так и сгинул. Азартный всё-таки был, не успел сообразить. А с другой стороны красивая смерть у него, хотя и глупая.

– Да, конечно, – согласился я, – а у Ивана Джек с Диком живы?

– Джек пропал, говорят, увезли на север. Ты же знаешь этим собакам только дверь открой, они куда хочешь запрыгнут. Вот и повадились здесь такие, смотрят собака бегают неплохая, дверь в машине открывают, если охотничья, то сама запрыгнет, и ловить не надо.

А Дик дома издох. Старый совсем был. Иван увёз его в лес, там и сжёг, чтобы зверьё не растащило. Потом поминал неделю.

– Такие собаки редко бывают.

– Раз в жизни, – сказал Александр, – пойдём, выпьем за них.

– Пойдём, – согласился я.

Июль-сентябрь 2010 г.

Осень

Осень пришла с северо-востока. Раскраснелись осины, и желтизна едва коснулась берёз. Воздух, наполненный прохладой, стал тяжёлым, но свежим и прозрачным. Роса сделалась крупная и белая и совершенно валила траву. Яркое солнце было словно нарисованное, света много, а тепла – чуть-чуть. Однако ж ближе к полудню немного прогревалось, но это было совсем ненадолго.

В один из таких осенних дней мы поехали за дровами. В кабине гусеничного трактора нас было трое. Мой отец, его брат, который и управлял трактором, и я – одиннадцатилетний пацан. К трактору была прицеплена телега, в которой мы и собирались везти дрова.

Конечно, дровами занимались взрослые, а я просто присутствовал больше, чем помогал. Сначала я пошёл за грибами. Осень – время для опят. Походив около часу, я набрал немного, просто их здесь не было, хотя лес для опят подходящий – берёзовый. Потом я разжёг небольшой костёр. Заняться особо было нечем. Дрова готовили на одном месте, складывать и таскать их не нужно. Просто нужно подъехать на тракторе и грузить прямо на месте.

– Ты сходил бы, трактор пригнал, – сказал мне дядя, – пока мы тут работаем. Заводить-то умеешь?

– Умею! – я был счастлив, – сейчас, я быстро.

– Ты аккуратней там, – буркнул отец.

Такой трактор я не заводил, да и не ездил на нём, но трактора почти все одинаковые в управлении. Только в этом вместо руля здесь фрикционы. Левый фрикцион на себя, левый тормоз в пол и трактор поворачивается влево, и наоборот.

Для начала я залез в кабину, чтобы проверить всё ли в порядке. Скорость была включена нейтральная, что было особо важно. Запуск трактора производился не из кабины, поэтому, чтобы он сам никуда не уехал, нужно всё проверить. У меня уже был случай, когда я едва не задавил отца. Года три-четыре назад, отец тогда работал на тракторе «Беларусь». Трактор был старый, даже без кабины. Отец что-то делал под трактором, а мне сказал:

– Учись заводить мотор, пригодится в жизни.

Он показал, что и как нужно включить, дал шнурок для запуска пускача и полез делать свои дела. Я аккуратно наматывал шнурок, дёргал, но так как силёнок у меня было немного, то пускач не заводился. Пускач – это небольшой бензиновый двигатель, с помощью которого, запускался дизель.

Сделав всё, как надо, я намотал шнурок и резко дёрнул. Мотор чихнул, но заработал. Я сделал всё, как надо, и трактор заработал. Я был очень доволен. Забравшись в кабину, я не стал торопиться, а стал делать всё медленно и правильно. Вскоре трактор тронулся и медленно направился к месту. Я остановился рядом с телегой, но глушить трактор не стал.

– Ты чего сидишь? – спросил дядя, – можешь покататься.

Сначала я медленно стал ездить вокруг телеги, потом, когда делал это спокойно и уверенно, включил скорость побыстрей. Как это было здорово. Я самостоятельно рулил туда куда хотел. В конце концов, рассевшись, как в кресле, я лениво тягал фрикционы, нажимал нужные тормоза, небрежно поглядывая по сторонам. Жалел, что меня не видят друзья. Когда, включив самую быструю передачу, я так же небрежно продолжал водить трактор, расплата наступила мгновенно. Трактор вдруг, не слушаясь рычагов, поехал прямо на телегу. Всё происходило, как в замедленном кино. Телега приближалась. Я схватил оба фрикциона и потянул на себя, ногами надавил на обе педали тормозов. Трактор, резко качнувшись вперёд, остановился. До телеги оставалось несколько сантиметров. Я сидел, держал рычаги и думал, что же делать дальше. Краем глаза видел, как мой отец схватил хороший кол, бежал ко мне, как дядя

догнал и отобрал у него палку. «Сейчас я медленно отпущу тормоз, трактор не должен ехать, так как я держу фрикционы, – я проговаривал каждое своё действие, словно читал по учебнику. Умом понимая, что делать надо именно так, но руки отказывались выполнять приказы. Кое-как я отпустил одну педаль тормоза. Трактор продолжал реветь на большом газу, но не ехал. Тогда, освободившейся ногой, я выжал сцепление и выключил передачу. Медленно я отпустил все рычаги, убавил газ. – Кажется, всё». Когда подбежал отец и стал что-то кричать в открытую дверь, я уже сидел спокойно, только ноги предательски дрожали. Дядя взял отца за руку и повёл прочь.

Отец с дядей грузили дрова. Я сидел на траве, прислонившись спиной к берёзе, и смотрел в небо. Какие-то странные, скрученные узлами облака, проносились там, едва не цепляясь за макушки высоких сосен, стоявших вдалеке. Было легко и хорошо.

Декабрь 2010 г.

Новый старт

Однажды, устав в постоянной гонке за призрачным счастьем, я понял странную вещь: если не удалось поймать птицу удачи сразу, в первом порыве, то не стоит бежать за ней всю свою жизнь, даже тогда, когда она находится в пределах видимости, но достичь её ни как не удаётся. Нужно остановиться и сделать ещё попытку, пока не закончился отмеренный срок, пока есть возможность начать всё сначала. Только нельзя упустить точку возврата, когда даже при самых благоприятных условиях не хватит сил добежать до финиша. Но, самое страшное ошибиться в оценке своей цели. Когда всё хорошо, когда успех в кармане, вдруг понимаешь, что это не твоё счастье, не твоя удача. И тогда ничего не остаётся, как сойти с дистанции и сожалеть обо всём, или... или снова вернуться на место старта и сделать ещё один рывок, а там, как получится.

Случилось так, что в свои неполные пятьдесят, я оказался лишним в стране, которую многие называют – счастье. Пару лет не мог опомниться от этого, но время своё берёт. Я взял себя в руки, забросил алкоголь и табак. И всё случилось легко, на

удивление многим. Видно, всё моё существо само справилось со всем этим, не особо меня утруждая. После всего, случившегося, я взглянул на мир по-другому. Перестал жалеть себя, стал устраиваться в новой своей жизни. Восстановил отношения со своими близкими, но жил один вдалеке от них, стараясь не обременять. Жизнь налаживалась, насколько это было возможно в моём возрасте.

Однажды, когда у меня стало всё более-менее нормально, я решил съездить в деревню, где родился, и попробовать понять, как строить своё существование дальше.

- Что ты там хочешь увидеть? – спросил меня брат.
- Не знаю, может, что-нибудь сумею почувствовать.
- Расстроишься, да и только.
- Всё так плохо?
- Поезжай, чего зря болтать. Там видно будет, что к чему, тем более что недалеко.

Собрав рюкзак из расчёта, что мне придётся несколько ночей провести на природе, ярким июльским утром я отправился в путь.

Электричка пришла почти вовремя. В вагоне народу было немного, в основном рабочие, которые и обслуживали саму железную дорогу. Это были путейцы, с почерневшими от солнца, лицами. Каждое утро они уезжали на нужный участок и поздно вечером возвращались назад на этой же электричке. Благодаря им, эти несколько вагонов курсировали по расписанию. В давние времена электричкой пользовались много людей, а сейчас большинство из тех, кто жил в посёлках рядом с дорогой и работал на ней, разъехались кто куда. Причин много, в общем можно сказать, что разъехались не от хорошей жизни. И теперь электричкой пользовались кроме рабочих только рыбаки (линия проходила по берегу реки), да ягодники с шишкарями по осени.

Примостившись у окна, я стал смотреть на давно знакомые, уже сильно изменившиеся пейзажи за окном. И было чудно, что всё так переменялось. Лесопосадки, назначенные для того, чтобы ветра не задували путь, превратились в большие кряжистые деревья. Появились новые дороги, мосты – виадуки через дорогу. Здания станций, красиво отделанные современными материалами, впечатляли.

...Много лет я ездил по этой дороге в свою родную деревню. Там у меня жили дедушки и бабушки, там я родился, там у меня было много друзей. Мой отец каким-то

образом сумел выправить для семьи паспорта, и мои родители подались в город. Не столь за хорошей долей, сколь чтобы мы с братом не болтались по интернатам, а учились в нормальной школе под присмотром не воспитателей, а родителей. Мы уехали в тот год, когда я пошёл в первый класс. Зимы проводили в городе, ну, а на лето мчались в деревню. Такого раздолья, как там, в городе не было. Кроме того и с присмотром проблем не случалось. Одна бабушка думала, что мы у другой, другая тоже надеялась на другую, а мы в это время были там, куда нас вели глаза. Воля – великое дело. Гоняли в лесу бурундуков, на ночь уходили на рыбалку на большую реку, куда детей не пускали, или купались весь день на маленькой речке. Когда подросли, то до утра проводили время в клубе с девчонками. Помогали косить сено, другие работы делали, но всё равно никто никогда не контролировал нас. Зимой, когда мы приезжали на каникулы, то катались на лыжах, цеплялись за сани с сеном, которые трактора таскали на ферму. Смотрели, как обучали молодых коней. По вечерам в правлении колхоза топили печку и большой компанией находились там. Кто-то играл в карты, на разные проказы, кто-то просто сидел и слушал разные анекдоты и истории. Часто к нам приходил мой дед со своим кобелём Тузиком. Тузик сворачивался клубком у тёплой печки и не обращал ни на кого внимания. Дед ходил в длинном овчинном тулупе. Он, не раздеваясь, ложился на скамейку возле двери. Дед работал деревенским сторожем. Он медленно бродил по деревне, следил в основном, чтобы никто не сгорел. Дома в деревне стояли часто, что если бы что-то загорелось, то сгорели бы многие. Земли хватало, почему так строились, я не знаю. Только несколько прогонов для скота разделяли постройки. Иногда дед ходил и к зернохранилищам. Но там смотреть было нечего. Снег никто не чистил, и чтобы что-нибудь стащить, нужно полночи чистить подходы. А зимы были снежными. Зимой бульдозерами пробивали дорогу по деревне, и это был настоящий тоннель, только без крыши. Ко многим домам в стенах были вырублены заходы. Дорога была узкая, едва разъезжались двое саней, а уж две машины не могли разойтись. Для этого тем же бульдозером были сделаны «карманы», куда могла заехать машина, чтобы пропустить встречную. В морозные зимние вечера, когда было совсем тихо, и дым длинными лохматыми верёвками ровно тянулся в небо, я часто стоял и любовался деревней. Всё было точно на лубочных картинках из многочисленных сказок, которые мне довелось прочитать. Избы, занесённые до окон,

толстым слоем снега, свет в окошках. На чистом небе россыпи звёзд, мерцают вместе со снежинками. Огромная луна. Светло и тихо. Сказка. Снег там всегда был настолько чистый, что весной таял гораздо позже, чем в городе. Я сколько раз наблюдал за всем этим и всегда восторгался. Но никому никогда не говорил о своих впечатлениях, потому, что это занятие девчоночье. Когда в правлении никого не бывало, то в такие светлые тихие ночи, дед, завернувшись в тулуп, залезал на сугроб, и, лёжа на нём, нёс службу. Однажды с дедом и его Тузиком приключился случай, после которого кобель не ходил с дедом на дежурство целую неделю, а в нём была вся сила и надежда. Дед не любил таскать с собой ружьё, а собака в любом случае – беда и выручка. И над дедом потешалась вся деревня, потому, как свидетелей было много. Это случилось в один из зимних дней. В правлении собралось много народу. Народ – это мы подростки. И пацаны и девчонки. Нам тогда было лет по пятнадцать, кому немного больше, кому меньше. Но уже тогда мы гуляли вместе. Собирались в правлении колхоза не потому, что не было клуба, просто в клубе была очень плохая печь, и натопить здание было невозможно, поэтому собирались, где было теплее. Так, как мы не пакостили, не сорили, нас и не выгоняли оттуда. И утром, когда собирались колхозники на разнарядку, там было ещё тепло, и много топить печь не приходилось. А дров хватало, их специально заготавливали на всю зиму. В тот раз нас было довольно много. Мы играли в карты на спички. Игра была на деньги, но какие у нас деньги? Поэтому, чтобы был интерес, мы вместо денег ставили спички. Было шумно, весело. Спички не жалко было проигрывать, и мы рисковали, а в этом весь интерес игры. Все подтрунивали над выигравшими, посмеивались над проигравшими, которые пытались отыграться и не всегда успешно. Над столом дым коромыслом, потому, что многие из нас уже покуривали, в том числе и я. Открылась дверь, и помещение с клубами холодное воздуха ввалился дед вместе с собакой. Тузик прошёл на своё любимое место и улёгся, а его хозяин уселся на скамейку.

- Здорово, дед! – весело крикнул я.
- Здорово, – спокойно ответил он, с интересом разглядывая всех.
- Ты, чего, замёрз?
- Нет, ничего. Что мне сделается в тулупе?

– Собака, вон замёрз, сразу ближе к печке, – я пытался разговорить деда. Если он начинал что-либо рассказывать, то это было весело. Он много чего знал, многое помнил, и если его удавалось зацепить какой-нибудь темой, то смеху – хоть отбавляй. Рассмотрев всех, он стал укладываться на скамейку. Сначала положил под голову полено, а потом сам стал моститься. Делал это дед с чувством и с расстановкой, не обращая ни на кого внимания. Улегшись, он громко зевнул и в этот момент толи специально, толи у него случайно получилось, но он очень громко пустил «злого духа» в тулуп. Все, кто был, взорвались хохотом.

– Ну, ты дед даёшь, – смеялся я, – Есть ещё силушка! Есть ещё порох!

Дед только хмыкнул. Все хохотали. В это время, Тузик встал от печки, подошёл к лежавшему на скамейке деду и лапой ударил его по лицу. Все, кто это видел стали валиться со скамеек от смеха. Пока дед, матерясь, вставал, желая наказать собаку, кобель лапой открыл дверь и вышел. Дед с размаху влепил огромным валенком уже по закрывающейся двери. Это было последней каплей. Все просто катались от смеха. У деда на щеке кровоточили три ровные полосы, которые никуда нельзя было спрятать. Наутро хохотала вся деревня. Ничего не надо было придумывать – факт на лице. Тузик ушёл домой и неделю не ходил с дедом сторожить, потом всё образумилось, и они помирились...

Поезд всегда медленно проезжал через мост. Хотя и дорога, и мост были построены недавно, но, видно, так нужно. В этом была своя прелесть, можно рассматривать реку, особенно в половодье. Когда вода разливалась, река выходила из русла и затапливала большие пространства. Бурая гладь воды превращалась в большое зеркало. Кое-где возле тальников плавали утки. Но сейчас река была маленькая, и ничего примечательного не было, только тёплые ощущения встречи со старым знакомым.

...Меня всё время тянуло когда-нибудь приехать на станцию, где мне предстояло выходить. Это место я любил всегда, и когда зимой приходилось добираться сюда из деревни пешком по рыхлой санной дороге, иногда подвозили на коне. Потом, когда я учился в старших классах, я прямо из города брал свои лыжи, и дорога казалась короче, особенно из деревни, было много спусков. По замёрзшей реке переходили прямо напротив станции. А летом через реку перебирались по-другому. Сначала шли по

путям пару километров, а потом переплывались на лодке. Кто был посмелее, перебирался в брод, а совсем отчаянные сорвиголовы, которые перебежали, с берега на берег по заламам. Лес, сплавляемый по реке, громоздился друг на друга и, бывало, перекрывал русло реки с берега на берег. Около берега деревья лежали сплошным настилом. Но этот настил крутился под ногами, тонул и всячески старался сбросить с себя любого. Тут уж нужна хорошая реакция, смелость, скорость и, как сейчас говорят, безбашенность. Мне очень нравилось бегать по брёвнам. Я сначала намечал себе путь, где побегу, где можно остановиться, а потом пускался искать себе приключения. Потому, что упасть с бревна нельзя, настил сомкнётся над головой, и тогда всё, выбраться будет невозможно. Самое любимое место – это сама станция. Место, где она стояла, было восхитительным. С одной стороны река, разделённая островом и сливающаяся прямо напротив вокзала. Сразу за рекой гора, поросшая огромными соснами и густым подлеском, тянувшаяся вдоль реки. Железная дорога проходила прямо по берегу, потому, что сразу за вокзалом тоже была гора, часть которой пришлось срубить для строительства дороги. Но это не испортило вид. Прямо от вокзала вся гора была почти не проходима. Кроме того, что – была очень крутая, ещё и покрытая густым кустарником, разросшимся по бурелому, который находился по всему склону. Там росла отменная смородина. Немного выше склон разрезала автомобильная дорога, которая использовалась для строительства и сохранилась в хорошем состоянии. Дальше за дорогой, склон упирался в подножье отвесной скалы. Прямо там находились три пещеры. Они были рукодельные, а для чего сделаны, я так и не выяснил. Сверху, на горе, напротив каждой пещеры находились шурфы, к тому времени, когда мы там лазили, уже засыпанные почти до верху. Сами пещеры имели хороший вход, за которым находилась большая комната, и в конце комнаты прямо в стену уходил небольшой лаз. Там было темно и страшно, и передвигаться можно только ползком. Мы не хотели мारаться и побаивались змей, которые могли находиться в этих лазах. В пещере страшновато было ещё и потому, что на входе камни подпирались, вертикально стоящими брёвнами, что бы вход не завалило. Для нас – ребятишек это было сплошное приключение, тем более что добраться до пещер тоже было непросто. В стороне от вокзала, с самой горы имела огромная россыпь камней. Скорее даже валунов. Они словно специально насыпаны, чтоб легче добираться наверх. А может и правда эти

камни использовались на строительстве. Только тогда там было всё словно, кто-то высыпал сверху эти валуны и, как они упали, так и лежали. На них не было никакой растительности. На самом верху стояли редкие огромные сосны. На многих из них, на макушках помещались большие птичьи гнёзда. И гнездились там соколы или орлы, я в них не разбираюсь, но точно знаю, что огромные хищники. И их крик каждое лето разносился над лесом и рекой. И самый красивый вид был именно оттуда, от этих сосен, стоящих прямо на краю обрыва. Две руки, словно две ладони, сложенные вместе, а в них река, набегающая на тебя, словно вода, зачерпнутая в ладони, чтобы напиться, и скользящая по рукам. И тишина. Когда пройдёт поезд, сначала стук колёс ещё какое-то время раздаётся среди сопok, но потом вдруг напoлзает тишина, да такая что, кажется, будто бы совсем оглох. Но потом потихоньку начинает проявляться редкие всплески реки, какое-то щебетанье птиц, другие шумы. И лишь только для того, что б оттенить беззвучный звон тишины. Добравшись по камням наверх, мы шли по краю скал, каждый раз заглядывая в шурфы, потом по распадку, держась за кусты, на задницах по траве аккуратно спускались прямо к пещерам. От каждой из трёх пещер, от входа была насыпь щебня, поэтому входы были чистыми и не заросли кустами. Каждая пещера находилась от другой метрах в пятнадцати-двадцати. Рассмотрев здесь всё, дольше мы штурмовали кусты с буреломом. Спускаться по ним было легче, чем подниматься. Иногда останавливались, чтобы поесть созревающей кислицы. Потом возвращались по горячим шпалам, нагретым солнцем так, что даже через тапочки чувствовалось. Перебирались через реку и к вечеру приходили в деревню. Только несколько раз мы ходили к пещерам, но эти места я помнил всю свою жизнь. И всегда меня тянуло сюда, и всегда я вспоминал эти места, но случалось так, что когда я был рядом, не находилось времени выбраться к ним, хотя бы на день.

И вот, сейчас я в поезде, через час выйду на нужной остановке...

Посёлки около дороги опустели настолько, что становилось страшно смотреть на заброшенные, разрушенные временем остатки жилья. Почерневшие шиферные крыши, покосившиеся заборы, заросшие бурьяном и лопухами дворы. Зрелище жалкое. На фоне всего этого здания вокзалов, оббитые современными яркими материалами, смотрелись, словно сказочные шкатулки среди хлама. Блеск и нищета дороги. От некоторых деревень остались только кусты черёмух, в добрые времена украшавшие палисадники,

сейчас одиноко стоящие по обочине дороги. По этим дорогам изредка проезжали рыбаки и ягодники. Даже болото, подходившее к самому полотну, заросло травой, так, что если не знать про болото, можно принять это место за ровный чистый луг. А небольшие луга, на которых косили сено, заросли осинами и берёзками. От этого становилось ещё грустней. Было непонятно, зачем на старых остановках останавливался поезд, если не было никаких следов пребывания здесь людей. Даже трава не притоптана. Вдалеке проблеснула река. Это была другая река, та в которую впадала наша. Она была больше, полноводней и сильнее. Я там бывал всего раз, когда много лет тому назад мы сплавлялись на резиновых лодках. Нас было трое, на трёх лодках мы в течение нескольких дней штурмовали речные просторы нашей малой Родины. Мне несколько раз приходилось сплавляться по реке и всегда в хорошей компании, и в хорошее время, когда ещё не было много зла и безысходности на лицах людей, в то время, когда люди ещё умели улыбаться просто незнакомым.

...В тот раз мы не собирались плыть так далеко. Обычно мы уезжали на поезде на одну остановку дальше нашей, там остановка была прямо на берегу, выгружались и начинали своё путешествие всегда с одного места. Не только мы так делали. За лето там проходила не одна сотня лодок. Мой дядя Иван, брат Сашка в тот раз были моими спутниками. Вернее сказать это я был при них. Потому, что они опытные рыбаки и охотники, особенно Иван, а я городской житель, из детства ещё не совсем забывший свои деревенские корни и лесные детские забавы, но одно дело знать, а другое – уметь этим пользоваться. В тот далёкий год, это было более двадцати лет назад, по нашей реке последний год сплавляли лес. Сплав леса для реки, не благое дело. Когда весной по большой воде его пускали вниз по течению, совсем немного успевало пройти до места на несколько десятков километров, большая часть застревала на мелководье, забивала все протоки, образовывала огромные залома, которые тянулись на несколько километров, закрывая воду. Когда начинали работать сплавщики, с рекой они не церемонились. Бульдозерами крушили берега, углубляли русла, запирали одну протоку, чтобы поднять уровень в другой. Уродовали реку, как хотели. Но рыба, как-то водилась среди этого хаоса. Правда, немного, но была. И все рыбаки думали, что когда леса не будет, то рыбы станет гораздо больше. У нас тоже были с собой снасти, но не было цели наловить рыбы. Если только на уху. Летом если и поймает много, то сохранить

почти невозможно. За несколько дней всё испортится. На место прибыли уже в сумерках. Быстро накачали лодки и поплыли. До места ночёвки было далеко. Проплыли мы совсем немного. Прямо за первым поворотом река кончилась, и перед нами лежало сплошное поле из деревьев.

– Что будем делать? – спросил брат.

– Давай к берегу, а там решим, – Иван направился к противоположному берегу.

Мы одели рюкзаки, поверх них приладили лодки, не скачивая их. Иван с братом шли рядом и о чём-то спорили. Они всегда беззлобно прикалывали друг друга. Я плёлся позади, глядя под ноги, чтобы не споткнуться. Когда посмотрел на них, то громко захохотал. В темноте с лодками на плечах, они были похожи на двух пингвинов, мирно бредущих по своим делам.

– Под ноги смотри, – сказал Иван, – здесь коров пасут, в дерьмо не наступи.

– Вы на двух пингвинов похожи, – сказал я.

– Под ноги смотри, природовед.

Километра через полтора впереди заблестела река, свободная от леса. Спуск к воде оказался очень крутым. В полной темноте, мы стали спускаться. Иван с братом спустились нормально, а у меня вышла накладка. Лодка за что-то зацепилась и громко зашипела.

– Ты чего там такого съел, – крикнул брат, – что шептунов пускаешь?

– Лодку пропорол? – спросил Иван.

– Я ничего здесь не вижу, – сказал я.

– Чего там смотреть, не слышишь, что ли? Иди сюда, посмотрим, что там.

Лодка оказалась порезанная.

– Обо что ты порезал? – спросил брат.

– Не знаю, там темно.

– Там трос брошенный есть, наверное об него, – определил Иван.

– И, что теперь? – спросил я.

– Пешком пойдёшь по берегу, – пошутил брат.

– Мы с тобой на одной лодке пойдём, а ему на другую все рюкзаки положим, здесь до табора недалеко, а завтра заклеим да и всё, – решил Иван.

До стоянки добрались без приключений. Вскоре мы сидели у костра, и пили вонючий самогон, сделанный из патоки. Но другого ничего не было, времена весёлые стояли.

– Ты не переживай, – сказал Иван, – завтра сделаем твою лодку, будет лучше новой.

– Хорошо, – кивнул я.

Два охотника и рыбака всегда найдут повод о чём поругаться. Брат с Иваном опять стали спорить. Они то матерились, доказывая свою правоту, то хохотали до слёз, вспомнив какой-нибудь весёлый случай.

– Мы с Ибрагимом охотились в гари, где у нас зимовьё. Ты там был, – сказал он мне, мы там ночевали, когда за орехами ездили.

– Знаю, – кивнул я.

– Мы с ним договорились печку топить по очереди. Холода уже стояли. Ибрагим честно топил до полуночи, потом разбудил меня. Я один раз подложил дров да и уснул. Ибрагим проснулся от холода и толкает меня, чтобы дров подкладывал. Я посидел, да взял и вместо дров в печку свечку поставил. Свеча горит в печке, свет в щелях мигает. Ибрагим проснётся, посмотрит, в печке огонь мерцает, и опять пытается уснуть. А он холода боялся сильно. Когда холодно, он спать не может, а мне хоть бы хны. Под утро он догадался в печку посмотреть, почему она не греет. Тормошит меня за плечо и орёт:

– Гад! Последнюю свечу спалил!

– А я спросонья ничего понять не могу, думаю рехнулся он что ли.

Разругались с ним. Я собрался и домой пошёл. Прошёл мимо его плашек и капканов, из-под собаки добыл с десятков белок. А он там ещё месяц жил, поймал пару штук и всё.

– Ибрагим, нрава крутого, мог и пристрелить, – сказал я, – вспоминая нашего земляка, мужика без гадости, но нрава крутого, и не понимающего такие шутки.

– Да, это он может, – согласился Иван, – но мужик он неплохой. А убить и любой может, вон Карпуха, один раз за мной с кирпичом гонялся, а друг мой с детства.

– Да, ладно, Карпуха не мог. Вовка Карпов был друг Ивана с раннего детства. Они и прожили всю жизнь рядом. Работали вместе в лесхозе.

– Заходили в тайгу, а я ему в рюкзак пару кирпичей положил. Он километров пятнадцать по тайге их тащил, когда на месте обнаружил, так я чуть убежал от него. Я бы и не подумал, что он такой зверюга, – хохотал Иван.

Наутро мою лодку заклеили и двинулись дальше. Чистая река, где-то быстрая, где-то медленная, но везде умиротворяющая. Солнце сияет в каплях воды, висящих на листьях деревьев, склонившихся к самой воде. От неподступных, заросших сумрачным лесом берегов, тянуло холодом и тайной. Солнце поднималось выше и пригревало сильнее. Я опасался за большую заплатку, лежавшую у меня под рукой. Оно подозрительно бугрилась. Я изредка поливал её речной водой, охлаждая. Так продолжалось довольно долго. Лодки плыли по реке, сами выбирая путь и растянувшись караваном. Я плыл последним. Сидел и наслаждался покоем. Когда я вдруг открыл глаза и посмотрел вперёд, то передо мной была непонятная картина. Иван плыл прямо посреди очередного сплошного залома. Поначалу, я удивился этому, но, увидев, что туда направился и брат, понял, что там есть проходы. Когда пришла моя очередь, то мне пришлось удивиться тому, как брёвна выстроившись друг на друга, выстроили канал примерно одной ширины. Расстояния было достаточно, что бы лодка свободно проходила. Но мне приходилось внимательно следить, чтобы она не коснулась брёвен, иначе опять можно пробить лодку. Этот канал был довольно длинным и заканчивался крутым прямым спуском. В нормальное время здесь был мелководный пережат, а сейчас по полноводному каналу было удобно скользить. И мы три взрослых мужика с восторгом и криками неслись вниз.

Нам ещё пришлось испускаться по быстрым струям, и тащить на себе лодки, не имея возможности плыть. К вечеру мы из одной реки переместились в другую. Другая была полноводней, мощней и быстрее. Но это нас совсем не пугало. Нашлось место для ночлега, и я стал обустраивать наш ночлег, а Иван с братом пошли рыбачить, обеспечить нам вечернюю уху. Две небольших щуки и несколько окуней были хорошим уловом. После ухи, балуясь горячим чаем, мы нежились у костра.

– Так ты почему из партии вышел? – спрашивал Иван моего брата в очередной раз. Видно, у них это была старая тема для приколов.

– Надо было, и вышел, – сказал брат, – но я сделал это честно, я принёс свой партбилет в горьком и отдал, всё объяснив.

- Но ты перед этим получил квартиру, а потом вышел.
- Квартиру я получил не потому, что был в партии, а за то, что очередь подошла, и за то, что нормально работал.
- Оно, может, и так, только видишь, как всё срослось, – не унимался Иван.
- Ничего не срослось.
- А зачем ты вообще в парию вступал? С умыслом?
- У меня дед был в партии. Мы с ним поговорили и он меня убедил.
- Это который дед? Батя мой, что ли?
- Нет, другой дед.
- Тот, может быть. А батя мой и не был в партии. А вот твой был.
- Я знаю, – сказал брат, – он потом хвалился, что партбилет запахал где-то.
- А хочешь расскажу, как твой батя в партию вступил.
- Ты откуда знаешь?
- Помню, мне тогда лет двенадцать было, – хохотнул Иван, и стал рассказывать то ли анекдот, а, может, и в самом деле так и было. В то, что Иван и сам мог выдумать историю, я не сомневался. – Пришёл твой батя с собрания, весь светится, счастливый, а дед что-то делал во дворе. Батя твой говорит: – Я в партию вступил!
- Чего? – спросил дед.
- В партию вступил, собрание сейчас было.
- Дед помолчал какое-то время, а потом пробурчал: – Ты то в дерьмо вступишь, то в партию. Лучше бы у скотины почистил, чем болтаться где попало.
- А чего ты всё про партию? – вдруг спросил брат, – у тебя претензии есть?
- Нет, просто понять хочу? – хитро ответил Иван, понимая, что стал доставать брата и выводить его из равновесия.
- А, вот, ты мне ответь на такой вопрос?
- Ну-у?
- Что? Ну.
- Задавай.
- Ты с детства скотине хвосты крутил, всё про неё знаешь. У тебя и сейчас и корова есть и овцы.
- Ну-у?

- Ты знаешь, что и корова и овца едят одинаковую еду, например сено?
- Ну-у? – продолжал Иван, пытаясь понять в чём подвох.
- Скажи мне почему дерьмо у коровы лепёхами, а овцы катышами?
- Ну-у.
- Что, ну?
- Не знаю, – медленно ответил Иван поглядывая на моего брата.
- Вот видишь, ты про дерьмо ничего не знаешь, а про партию судишь.

Наступили тишина. Брат прутиком шевелил угольки, Иван переваривал ответ, а я едва сдерживал смех. Наконец, Иван сказал:

– Достоинно.

И мы все расхохотались. Они ещё о чём-то говорили, а я вспоминал, наше путешествие и удивлялся, насколько поменялась река.

За десяток лет изменились контуры берегов, смыло несколько островов. Не маленьких островков, а те, на которых росли крупные деревья. Кое-где вообще поменялось русло реки.

На следующий день мы старались плыть ближе друг к другу. Оставалось два десятка километров до окончания нашего пути, так, как ни я, ни брат не бывали здесь, то мы просто смотрели по сторонам и обсуждали увиденное. Иногда что-нибудь рассказывал и Иван. На одном очень крутом склоне, я увидел следы гусеничного трактора, спускавшегося по очень крутому склону. Сразу было видно, что кто это сделал, имел крепкие нервы.

- Придунок какой-то ездил, – вырвалось у меня.
- Это я, – спокойно сказал Иван.
- Как тебя туда занесло?
- Мы лес наверху готовили, и кончилась вода, вот я и ездил за водой.
- А пешком сходить нельзя было?
- Зачем пешком, если техника есть?
- Действительно, зачем спокойно сходить, если можно голову свернуть?

Через несколько часов мы мирно ехали на электричке домой и несколько не жалели, что наше путешествие немного затянулось...

Поезд ушёл, выстукивая дробь. И наступила тишина именно та, которую я помнил всю свою жизнь. Оглушительная и пронзительная. Я постоял некоторое время, вслушиваясь, стараясь определить для себя какие-то новые нотки, но ничего лишнего не услышал. Огляделся. Всё, что было связано с рекой осталось прежним, а вот макушки сопки облысели. На них практически не было леса, только редкие деревца торчали кое-где, словно редкие волосинки на лысой голове. Сначала это вызвало улыбку, а потом досаду, даже в эти места добрались лесорубы. Причём, гора, которая находилась за рекой, была изуродована основательно. И только остров на реке, лежавший перед станцией радовал глаз своим величием. Я ни разу на нём не был, но видел его с обоих берегов. Здание вокзала выглядело торжественно. Чистенькое, светлое, оно неестественно смотрелось здесь. Кроме него ни каких построек не было. Перед зданием разбиты клумбы и в них разные цветы. В те давние времена, я даже и представить себе не мог такого. И самое главное, что их никто не трогает, хотя здесь всегда много рыбаков.

Я направился к месту, где я мог перейти реку вброд. До него километра два. По шпалам ходить всегда было неудобно, но всегда по ним ходили, хотя немного вверху проходила неплохая гравийная дорога, по которой ходить одно удовольствие. Но туда нужно подниматься, а по шпалам прямо. Я шёл и вспоминал, как пацанами мы ходили по ним босиком. Недалеко от рельсов росла малина и вызревала она раньше, чем в других местах. И мы, переплыв с другого берега, рвали её и прямо здесь ели. Шпалы нагревались на солнце до такой степени, что ходить по ним становилось невозможно, и мы, корчась, перебирались по щебню.

Прежде, чем переходить через реку, я уселся на большой валун и стал разглядывать, как здесь всё переменялось. Остров, через которым мы переходили вброд увеличился в несколько раз. Протока между островом и путями осталась прежней, а вот с другой стороны река ушла на полсотни метров сторону. Берегов, по которым мы бегали босиком, словно никогда и не существовало. За два десятка лет, что я здесь не был, эти места совсем стали другими. Сначала люди тракторами сорвали берега, а потом река размывала всё по своему. Перейти на другой берег труда не составило, река обмелела. Большой луг зарос бурьяном и кочками. Лес, старый добрый лес исчез. Вырублен подчистую. Что осталось от пилы пропало под гусеницами

тракторов. Земля исковеркана, изуродована, едва прикрыта ветками и остатками травы. От тех мягких лесных тропинок не осталось даже мест где они проходили. «Чем же ты так провинилась земля, что так с тобой поступили? – подумал я. Вместо леса, через который и видно ничего не было, исковерканная пустыня. Что же с деревней?»

Деревни не было. Три дома и всё, даже место совсем изменилось, съёжилось, стало чужим. Только березовая рощица, бывшая местом гуляний, постарела, погрузнела, но осталась не тронутой.

– Ну, хоть что-то, – выдохнул я. Собрав небольшой костерок, я сел так, что б видел место, где осталось моё детство и юность и что-то самое важное в моей жизни. Оглядывая всё, я пытался по памяти поставить дома, которые стояли в то время, но всегда не хватало места. Деревня мне всегда казалась достаточно большой, а здесь места совсем мало. Любой дом без хозяев рушится, а земля сохнет. Все поля вокруг деревни заросли молодой порослью. Сосёнки и берёзы с осинами росли по разным частям полей. Бывшие поля, огромные территории, также стали меньше. А вот по деревне росли только кусты черёмухи на местах бывших усадеб. И в большом количестве бурьян. Несколько тополей, стоявших напротив дома моего деда, исчезли. Построек никаких не было, лишь в одном месте посреди деревни стояла русская печь с полуразрушенной трубой. И только три дома с одного края деревни ещё были живы. Возле них ютились постройки, и стояла техника. Людей не видно. Из живности только собаки слонялись возле калиток. От брата я знал, что в деревне осталась только одна семья деревенских, остальные две – пришлые. Там где стояли клуб и правление колхоза, в которых мы проводили много времени, сейчас были размытые временем и дождями овраги. Пока небольшие, но «лиха беда – начало».

И только засыпанная гравием дорога для того чтобы ловчее вывозить лес смотрелась неплохо. Её сделали тогда, когда жители уже разъехались. А ведь одна из причин гибели деревни – дорога. Ещё лет сорок назад дорогу подвели к деревне, а по самой не сделали. И во время дождей по деревне не только проехать на чём-либо нельзя было, но и пешком пройти затруднительно. Кроме тракторов. А после них колея становилась ещё больше.

«Вот и приехал, – подумал я, – вот и набрался сил. Хотел найти отчего мне оттолкнуться, чтобы жить дальше. Оттолкнулся. Всё самое дорогое мы можем хранить в

памяти, в душе, а на самом деле ни до чего нет дела. Скорее всего потому, что эти места были дороги нашему поколению, которые родились там и выросли, а уж после никто не родился там и для наших детей эти места стали совсем чужие. И, выходит, мы сами не сберегли своё самое дорогое – нашу малую родину. Некоторым она, конечно, безразлична, но многие, как и я хранят в памяти любимые уголки и любимое время, которого никогда не будет. И никто мне не докажет, что у меня было не самое счастливое детство. Без телевизоров, но с кино в клубе за пять копеек, которое показывали частями. Одна часть – десять минут, а потом несколько минут перезарядка. За это время все успевали обсудить действо. Самыми большими праздниками были Пасха, Троица и день Победы, уж потом Новый год и всё остальное, особенно наряжалась деревня на день Святой Троицы. Вся деревня празднично одетая, с веточками берёз, семьями шла на кладбище.

Только к троице там успевало всё растаять и подсохнуть. И все ходили друг к другу и поминали. А потом уже после обеда вся деревня несколькими компаниями гуляла. Да, как гуляла. А какие были вечёрки после фильма, с танцами под гармошку, с играми, с песнями у костра, а потом прогулками по деревне до утра. И был лес, стоявший прямо за огородами, в котором всегда было много земляники, костяники и грибов. Водилось множество бурундуков, которых мы ловили петельками из лески и приручали, а потом кормили из рук.

И свобода. Никто тебя не ограничивал, никто не запрещал ходить туда, куда тебе хотелось. Или купаться, или на конюшню, всегда притягивающую к себе, или в лес. И каждый день не похожий на предыдущий, ночёвки на сеновале, разглядывание звёзд, слушанье унывный перестук дождя о крышу. И даже не стук, а хлюпанье по крыше из дранья и грязи на земле. И молнии, разрезавшие чёрное ночное небо, когда так грохотало, что, казалось, вот-вот обвалится крыша. И дивные молчаливые зарницы яркими вспышками подмигивали издалека. Вот за всем этим я приехал сюда. А ещё за доброжелательными взглядами своих односельчан. И, что? Прав был мой брат, кроме разочарования – ничего».

Я вернулся на реку и решил, что лучше переночевать здесь, нашёл приличное сухое место, где есть дрова. Расположился, достал свою снедь, фляжку с водкой. И вспомнил, что именно здесь мы когда-то пацанами рыбачили с ночёвкой. Что поймали,

я не помню, но среди ночи на горе, за рекой жутко заорал дикий козёл. Это было страшно. С нами была собака, дедов Тузик. Он спал у костра, после крика, он поднял голову, прислушался и снова лёг. Мы смотрели на него, как на спасителя, веря, что эта собака не подведёт и спасёт, если, что. Потом мы, едва стало светать, помчались в деревню. Мы, конечно, не боялись, но за каждым деревом нам казался страшный зверь. За воспоминаниями я незаметно уснул. Утром расшевелил костерок, уже угасший, вскипятил свежий чай. Дождавшись, когда с реки уйдёт туман, перебрался на другую сторону и направился к станции. Сидя в поезде, я думал, что надеждам моим не суждено было сбыться и я не нашёл, от чего мне можно было оттолкнуться для новой своей жизни. И придётся старт перенести на новое место. Но вот куда, я ещё не придумал.

Январь 2011г.

Я не могу без водки

Только сведущий определит, где заканчивается Тель-Авив и начинается Яффо. Старый, древний Яффо с его остатками старого города, его каменной пристани, куда на судах привозили ливанский кедр для Иерусалимского Храма. Где заканчивается Яффо и начинается Бат Ям. Если Яффо имеет за спиной четыре тысячи лет, старше Иерусалима на тысячу лет, если Ашкелон упоминается в Священном Писании, то Бат Ям, как и Тель-Авив просто младенцы. Все эти города объединяет неглубокое песчаное побережье Средиземного моря. Море, в котором нам, уроженцам Сибири, купаться удобно круглый год. Только в июле и в августе, когда море прогревается почти до тридцати градусов, у берегов появляется большое количество медуз, прикосновение к которым вызывает сильный ожог, который долго не заживает. Самое хорошее время для купания – конец сентября. Вода становится немного прохладнее и приносит свежесть. А зимой когда температура становится пятнадцать-двадцать градусов, вода становится, как у нас

летом. Многие аборигены в ужасе наблюдают за «сумасшедшими» русскими, одиноко плескающимися в зимнем море.

Я не любил купаться ни зимой, ни летом. Мне не нравится постоянный вкус соли во рту. Мне больше нравилось сидеть на берегу моря и слушать всхлипывание небольших волн, смотреть, как быстро садится солнце, и стремительно темнеет. И в тусклом свете реклам, и освещения прямо над береговой линией наблюдать за перелётом птиц. Их очень много. Они заканчивают свой путь после длительного перелёта. Здесь им предстоит ожидать весну. Птицы разные. И большие, и не очень, стаи тоже разные и по количеству, и по размерам. И шумных, и молчаливых. Больше молчаливых. Как и людей, в большом количестве снующих по набережной, кто бегом, а кто спортивным шагом. Люди идут и бегут за здоровьем. Я не занимался этим. Не потому, что мне не хочется стать здоровым, просто хотелось посидеть, отдохнуть и попить пива. Я на работе нахаживал не один десяток километров, так, что есть причины спокойно посидеть за столиком уличного кафе. Бутылка пива из холодильника была в самый раз.

Он подошёл к моему столику, присел и спросил:

– Можно с вами посидеть?

– Садись, – сказал я, не удивляясь, что он заговорил со мной по-русски. Русский русского узнавал всегда и безошибочно. Это был молодой парень, достаточно крепкий на вид. Одет, как большинство молодых людей, в футболку и джинсы. Коротко пострижен. В лице что-то до боли знакомое: какое-то состояние небольшого опьянения, какое бывает у многих наших молодых людей.

– Батя, ты не против выпить, по рюмашке пропустить? – он мгновенно перешёл на ты. Я не удивился и этому. Как-то по-нашему. Затем он вытащил из пакета бутылку водки «Абсолют» и два пакетика орешек.

– У тебя праздник, что ли?

– Почти, – засмеялся он. – Минутку, – побежал в кафе и вскоре вернулся с бутылкой колы и стаканчиками.

– Меня сегодня в армию не взяли, давай за это, – сказал он. Мы выпили. В этой стране никто не уклонялся от службы. Не было принято. Не служили только по запрету врачей.

– Врачи не разрешили? – спросил я.

– Психолог, – сказал он и засмеялся.

– С нервами ненормально?

– Алкоголик!

– Тебе вроде бы рановато, – заметил я.

– Не-е, для них нормально, – мой собутыльник расхохотался. – Анекдот получился.

Мы ещё выпили водки, запивая колой, и он начал рассказывать.

– Всё началось случайно. Когда меня в самый первый раз вызвали на комиссию, я пришёл немного навеселе. Встретился с друзьями, ну и выпили пива. А от пива, сам знаешь, какой запах. В общем, мне сказали прийти ещё раз. Я ничего не понял, думал со здоровьем не порядок. До этого я занимался боксом, выступал, даже на соревнованиях. На здоровье не жаловался. Через неделю я выпил уже водки для храбрости и опять пошёл к врачам. Меня опять посмотрели и сказали зайти ещё. Мне стало интересно. Когда подошло время, я уже намеренно выпил водки и уже побольше. Пьяным не был, но в подпитии изрядном. Оценив мой вид, меня завели к одному врачу. Он долго смотрел на меня, а потом вдруг спросил:

– Давно пьёшь?

Я понял, что для них это проблема, а самое главное непонятно, почему я в таком молодом возрасте выпиваю. Я, конечно, не был пьяницей, и выпивал очень редко. Бывало, с друзьями по банке пива выпьем, и всё.

Здесь очень редко люди помногу пьют. Обычно, вообще бросают выпивать, потому что очень жарко, редко кто спивается и опускается. Потом бродяжничают, благо, что погода позволяет, и с едой достаточно просто, так же, как и выпивкой. На любом рынке можно совершенно бесплатно взять немного подпорченные овощи и фрукты, и если поможешь немного торговцу убраться после рабочего дня, то и мяса кусок дадут.

– И что ты сказал врачу? – спросил я.

– С первого класса. У меня вырвалось машинально, поэтому правдоподобно, – собеседник рассмеялся. – А у него с юмором слабовато оказалось. Он долго смотрел на меня, словно пытался заглянуть вовнутрь. Меня разбирал смех, но я сдерживался.

– Приходи через неделю, – сказал врач.

– Через неделю ты опять пришёл в подпитии, – сказал я.

– Да, и ещё больше. Мне очень хотелось узнать, как они поступят.

– Ты в армию хочешь? – был первый вопрос.

– А кто не хочет? Я просто мечтаю пойти в армию. Мне нравится форма, нравится, что домой можно приходить с оружием. Я очень хочу служить.

– А ты, сколько водки выпиваешь? – спросил врач.

– За один раз? – я «включил дурака».

– За день?

– Каждый день не меньше бутылки.

– Каждый день?

– Бывает и больше.

– Если ты хочешь, служи, то нужно бросить пить, – врач был серьёзен.

– Нет, я не могу, – меня уже «понесло». – А что, в армии не пьют?

– Конечно, нет.

– Ну, немного-то можно.

– Так сможешь не пить?

– Этого я обещать не могу, – заверил я, преданно заглядывая ему в глаза. – Мне очень нравится водка.

Наконец, он попросил меня выйти и подождать в коридоре. Сидел я не долго. Вышла дама и сказала мне, что я не годен для армии посоветовала обратиться к наркологу, пока ещё не поздно.

– К врачу-то пойдёшь?

– Какой врач, мне и так хватило этого надолго.

– И чем будешь заниматься? Ведь без армии в университет не поступишь?

– Я и не собирался. Пойду учиться на шофёра, потом работу найду и всё.

Он ещё немного посидел, посмотрел на море, потом вдруг встал и сказал:

– Ты извини меня, но, наверное, пойду, что-то не хочется пить, устал, наверное.

Как люди каждый день пьют? Он поднялся и пошёл.

– Водку заberi! – крикнул я. Оставь себе, мне не нужно.

Он скрылся за углом. Я налил себе ещё полстаканчика, развёл колою и выпил. Водки оставалось ещё много. Сначала у меня возникла мысль забрать её с собой, так, как я тоже собирался домой. Но завтра мне на работу, а я могу и допить, и что потом?

И тут я увидел бомжа, смотревшего на бутылку. Это человек из наших, из советских. Возможно, он был успешен в жизни, в делах, но когда-то не смог вот так взять и уйти. Я взял остатки водки, и, проходя мимо него, поставил бутылку перед ним. Он, словно, ждал этого, стал горячо благодарить меня, но я быстро удалился. Я шёл и думал: «Интересно, а в России из-за этого в армию не берут?»

Украли трактор

Дядя Петя встал рано. Утром работы много по хозяйству. Нужно накормить скотину, или, как говорят в деревне, управиться. Скота много: корова, нетель, овцы, свиньи, кроме этого много разной птицы, но смотреть за ней – женское занятие. А днём и ребятишки управляют. Но сегодня всё, как-то не заладилось. Коровье пойло едва не разлил, об свинью запнулся, в навоз влез. В сердцах обматерил жену, словно это она ему подножки ставила. Недоброе было утро. Нужно было ещё и трактор ремонтировать. Дядя Петя не то, чтоб не любил этого делать, просто не было запчастей, а ходить где-то что-то искать, потом ставить рухлядь на технику, которая и неделю не работала. Но делать нечего, запчасти привозили редко, а работать надо.

Дядя Петя, управившись, зашёл домой, немного перекусил и сел на крыльцо, выкурить сигарку. В деревне мужики курили махорку, ничего другого не признавали. Можно, конечно, было курить и папиросы, но они стоили дорого, а махорка в самый раз. Газет, чтобы ещё закручивать, хватало. А там хочешь сигарку в палец толщиной, хочешь «козью ножку» – это уж, как душе угодно. Дядя Петя свернул себе хорошую, большую самокрутку. Как говорится и глазам не стыдно, и душе радостно. «Козью ножку» – это баловство. Так делают пацаны, да у кого в руках «мышы шеборшатся», кто не может свернуть что-нибудь стоящее. Раскурив сигарку, выпустив облако синего дыма, дядя Петя прищурился и рукой смахнул слезинку со щеки. Добрая махорка выбивала слёзы.

Дядя Петя коренной деревенский. Он и родился здесь, и всю жизнь прожил здесь, никуда не выезжая. Разве только в армию призывали служить, но это было так давно,

что уж и подзабылось. Разве, что ездил в районный центр на базар, да ещё по каким-либо причинам. Но это не в счёт. Здесь всё родное, знакомое и любимое, словно дитю материнская юбка. Он не понимал людей, уезжающих неизвестно зачем, болтающихся по миру, а потом жалующихся, на всё. И, скучавших по родным местам. А чего было бегать? На месте и камень мхом обрастает. «Вот так и поразъедутся все, и некому будет в деревне жить. Маленьких ребятишек в деревне уже и нет. Привозят внуков из города, да и то редко, вот и все дети. А, свои, которые здесь живут, уже скоро и школу позаканчивают, и разъедутся кто куда. Летом ещё видать кого-то, а зимой посреди недели улицы, словно вымершие. И опустеет всё. Сколько уже деревень в округе нет. Одни названия остались. Да, какие: – Цыганки, Еланка, Перевоз, Светлое, Тропа, Лука, а сколько их, позабытых? Старики помнят ещё, да сколько их осталось тех стариков? И, ведь, жили люди. Работали, радовались, планы строили какие-то. Про некоторые просто помнят, к другим скоро совсем зарастут, еле приметные ещё, дороги».

Дядя Петя докурил самокрутку и направился к трактору, который он ставил возле дома. Все механизаторы ставили технику возле дома. Оно, можно, и на площади, где всё хранилось раньше, но рядом с домом проще. Вышел, завёл и поехал, а так полдеревни ещё топать надо. А зимой и вода горячая дома есть. Зимой кто не хотел греть воду дома, ставил трактора на ферме. Там специально грели воду скоту, хватало и для техники. Дядя Петя подошёл к трактору и обомлел. Трактора на месте не было. Он стоял и не мог сообразить, что трактора не было. Конечно, это был не какой-нибудь большой трактор, но всё ж не игрушка, которую можно было положить в карман. Дядя Петя растерялся. В деревне не только трактор, никто полена дров чужого не брал, а тут трактор. Небольшой, на таких на вокзале посылки развозят. По какой-то разнарядке он попал в деревню. Его сразу прозвали «поколка». Его мотор звучал, как пок-пок-пок. Поначалу на нём ребятишки катались, ровно для забавы был, но потом прислали навесное оборудование, и ему нашлась работа. И пахал, и косил, и сгребал сено, бочку с водой таскал. И вот пропал. По следам ничего нельзя было разобрать, только, что прогнали колхозное стадо, а потом и деревенское следом. Какие уж тут следы? Дядя Петя растерялся настолько, что вместо того, чтобы что делать, сел на чурку и стал сворачивать внеочередную самокрутку. Причина была веская. Он стал размышлять, как можно утащить технику и не оставить следов. Это ведь не навильник сена. Там и то

труха останется, а тут ничего. Точно вознеслась. Скурив до конца сигарку, он пошёл домой, выяснять у жены, может она чего знает. Может ночью что слыхала?

– Ты ничего ночью не слышала? Может, шебаршился кто возле дома, или собаки брехали на чужих.

– Ничего не слышала. Тихо, вроде, было. Только вот петух, чего-то не кричал утром. А, может, заспала я и не слыхала. Случилось что? – жена говорила, не отрываясь от квашни. Она взбивала тесто и собиралась печь хлеб.

– Случилось что? – он передразнил жену. – Случилось! Трактор спёрли!

– Как же ты его сопрёшь, он же тяжёлый. Его не подымешь, – жена насторожилась. Она понимала, что произошло странное, но муж не хочет ей сказать правду. – Толком скажи, что случилось?

– Оглохла, что ли, я же сказал, что трактор спёрли!

– Может бригадир забрал? – предположила жена.

– Дура! Как он просто так заберёт, на верёвке, что ли утащит! Ты, что не услышала бы, как трактор запускают?

– Да ну тебя, – жена махнула рукой, – шутки тут шутишь, а мне тесто надо ставить уже.

– Какие шутки! – крикнул он и вышел на улицу. Там было тихо и спокойно, словно ничего и не произошло. Тут трактор украли, а на улице тишь и благодать. Дядя Петя снова осмотрел место, где стоял трактор, но его не было. И тут он вспомнил, что жена говорила про бригадира. «Может и правда забрал, а я и не слышал. Нет, это надо же трактор забрать и ничего не сказать. Ладно бы бабу свёл, от неё одни хлопоты, а тут трактор, а это уже колхозное имущество. И за него могут хороший срок впаять». И он направился в правлении колхоза. По дороге уже напридумывал слова, которые он скажет бригадиру за такие шутки. Так начальство не должно шутить. Он так разогнался, что куры едва успевали улетать из-под ног.

Возле правления колхоза толпилось много народу. Кто-то получил разнарядку и курил с мужиками, кто-то ждал, когда позовут и отправят куда-нибудь на работу. Постоянное место только у механизаторов и доярок. Остальные работали, где было нужно в этот момент. Дядя Петя пролетел мимо всех, словно перепуганная собака, никого не замечая. Распахнув дверь, он выпалил бригадиру:

– Ты, зачем трактор забрал? Я собирался сегодня ремонтировать его!

– Какой трактор? – бригадир нехотя оторвал взгляд от бумаг, разложенных на столе. – Хотел делать, так делай. Запчасти посмотри на складе. С ходовых тракторов ничего не снимай.

– Ну. Дак. Это, – промямлил дядя Петя, – а трактора нету.

– Как нету? Иди, работай, не мешай. Я и без тебя разобраться не могу, – бригадир опять склонился к столу.

– Нету трактора. Вчера был, я ещё вечером с него кувалдочку брал, а сегодня нету.

– Ты, что пьяный был, не помнишь, куда трактор поставил? – бригадир почувствовал неладное.

– Не пил вчера. Давно не пил, дня три уже, – дядя Петя понял, что нужно «сушить сухари». Никто с ним разговаривать не будет. Разговор короткий: или подай трактор, или в тюрьму. И срок за колхозное добро светит не маленький. Лет десять дадут, это самое малое. Сколько же мне будет, когда выйду. Он стал прикидывать сроки, словно это сейчас было самое главное.

– Так ты что, серьёзно? – увидев, растерянный взгляд дяди Пети, бригадир медленно вылез из-за стола и направился к выходу. – Пошли искать. Несколько мужиков увязались следом. Бригадир сначала вышел на середину улицы. Оттуда вся деревня, состоявшая из одной улицы, просматривалась насквозь. И трактор было бы видно, но его не было. Тогда все пошли к дому дяди Пети.

Никаких следов, ни самого трактора не было. И это было самое удивительное.

– Может он вознёсся? – предположил кто-то.

– Да-а, – протянул бригадир. – Тут пукнешь в одном краю деревни, и так скажут, что в штаны навалил, а здесь трактор исчез, и тихо-мирно. Никто ничего не видел.

– Милицию надо вызывать, – сказал какой-то доброхот.

– Успеешь ты милицию! – разозлился бригадир. – Надо людей поспрашивать, может кто-то и видел.

Мужики стали строить предположения, что будет дяде Пете, если трактор не найдётся. Не сам же он – трактор, в конце концов, уехал. Образовалась целая

конференция. Предположения строили всякие разные. Одно печальней другого. Дядя Петя сник с лица, стоял и курил молча.

– А ну-ка, цыц! – прикрикнул бригадир. – Вы ещё президиум выберите! Человеку и так не по себе, а вы ещё ерунду несёте всякую. Уже с полчаса мужики судачили о происшествии, как к ним подошёл соседский маленький парнишка, лет пяти. Он немного постоял, посмотрел на взрослых и сказал:

– Дядя Петя, а ты зачем на крышу заехал?

Наступила тишина. Все дружно посмотрели на крышу большого сарая, но там был только зелёный мох, проросший через тёс.

Мальчик указал рукой за сарай, туда, где находился небольшой навес, крытый толстым тёсом. Под навесом была сделана печка, на ней летом варили и себе, и скотине. Скат был совсем пологий и на нём, как на постаменте стояла «поколка». С того места, где стояла толпа, его не было видно из-за сарая. Все недоумённо молчали. Кто-то закурил махорочки, и только бригадир тихо сказал:

– А говорил, что не пил.

– Ей богу не пил, – перекрестился дядя Петя, слывший безбожником. И он выразился так, что выдавшие всякое мужики лишь открыли рты.

– И кто ж это сотворил? – спросил бригадир и вдруг громко расхохотался. У всех тоже посветлели лица. Не хотелось верить, что в деревне завёлся вор. Ему и завестись негде. В деревне во все времена домов не закрывали. Притворят дверь колышком, чтобы свиньи, случаем, не забрели в дом, да не пакостили, вот вся охрана. И самое главное: воровать было нечего. Деньги особо не водились, их много не заработаешь в колхозе, а что поросят каких продавали, так на одежду разную, да разные надобности едва хватало. Других доходов не было. Если какое молоко продать, или яйца, так их возить далеко, и не на чем.

И всем стало понятно, что это молодёжь так повеселилась.

– Милицию надо вызывать, – сказал кто-то, – участковому звонить.

– Да, – поддакнул дядя Петя, после всего пережитого, его немного «потряхивало». После всего пережитого за сегодняшнее утро, когда он уже и посадил себя в тюрьму, и придумал много разного, его разбирало зло. – Эх, попался бы мне сейчас этот шутник, голову скрутил бы, не задумался.

– Так, иди, скрути, – сказал председатель.

– Ты знаешь, кто делов натворил?

– А ты и не знаешь? – усмехнулся бригадир. – А то давай участкового. Забыли, как сами вытворяли тоже немало? Что-то помнится и телегу на крышу закатывали, кресты ночью с кладбища таскали, по огородам шарили первые огурцы. А кто лествяничный хлыст разворачивал поперёк дороги каждую ночь, пока его не распилили на чурки. И эти чурки ещё норовили к соседу перекатать. Что, постарели так?

– Так, то телега, а это трактор, – пробубнил дядя Петя.

– А не помните, кто вместо конных саней с горы спустили тракторные, да ещё в овраг попали, едва трактором вытащили?

Мужики сени, на брёвна, закурили, и стали со смехом вспоминать проделки молодости. В деревне это было такой традицией. Молодые всегда что-нибудь вытворяли, но без злости. Большой урон не наносили. Доставалось больше тому, кто на это бурно реагировал. Молчунам неинтересно. Бывало, среди ночи кирпич на крышу закинут, или тем же кирпичом по углу дома потрут, кажется, что дом разваливается. Летом, какая-нибудь баба похвалится, что у неё огурцы спели, глядишь, и нету первых огурцов. Зимой у кошёвок снимали оглобли и катались толпой с горы, как на простых санках. Вернее съезжали вниз и оставляли её там.

– Всё равно наказать надо, – сказал дядя Петя. Наверное, потому, что в этот раз досталось на его долю. – Это не дело такое спускать с рук.

– Кого наказывать будешь? Ты сначала узнай, кто это сделал, а потом хоть в суд подавай. Только, я почему-то думаю, что без твоего племянника не обошлось. Собаки-то не лаяли. Здесь не только вдвоём не осилишь, но и впятером, так, что ищи, кто виноват. Наверняка вся молодёжь учувствовала.

– Эх, такую бы силушку, да на доброе дело, – вздохнул кто-то. – Как, я понимаю, кто бы ни затаскивал его сюда, а снимать нам.

– Подсобите, мужики, – засуетился дядя Петя.

– С тебя бутылка.

– Уж, как водится. Надо, так будет.

Орудия преступления были тут же под забором. Две толстые широкие плахи, по которым катили технику, столбики, служившие упором, чтобы плахи не прогнулись. И

небольшие чурочки, для упора. Спустили через час. Положили плахи, привязали спереди верёвку. Верёвкой со двора несколько человек держали, чтобы не скатился, остальные принимали.

Не такой и тяжёлый трактор оказался. Компанией и чертей гонять можно.

Вечером возле дома дяди Пети, вовсю, шумело застолье. Дело дошло и до гармошки. А чего не погулять в хорошей компании, главная, чтобы причина была серьёзная. Иначе просто пьянка, без интересу.

Шашлык

Осенью лес особенный. Тихий. Вроде бы, жизнь не замирает, но шевелятся все не торопясь. Красно-жёлтые листья медленно шевелятся на ветках, пока не срываются, и, раскачиваясь из стороны в сторону, словно подыскивая себе место, укладываются друг на друга. В глубине леса, где ветры не гостят, там особо необычно. Там даже воздух недвижим. Там осень останавливает время.

В последние денёчки перед холодами и снегом, мы поехали отдохнуть в лес. Не охотиться, не добывать трофеи, а просто побыть наедине с лесом. Ну, если улыбнётся удача и случится добыть, что-нибудь, то это только плюс. Но на это никто не загадывает. Взяв продуктов на пару ночёвок, мы сели на старенький трактор МТЗ-80, принадлежавший моему брату и поехали на лесоучасток, где наши знакомые заготавливали лес. У них там работа, а у нас отдых.

Избушка, где жили заготовители леса, стояла возле небольшого ручья. Вода нужна была не только для людей, но и для техники. Пока ещё не холодно, воду из радиаторов не сливали, но потом её будут сливать, и греть в бочке-водогрейке. Утром, прежде чем завести мотор, его проливают горячей водой, прогревая. Если морозы очень сильные, тогда греют и факелами. Без огня и воды зимой не поработаешь. Сама избушка сделана из бруса и установлена на санях. Когда заканчивают один участок и переезжают на другой, прицепят домик к трактору и порядок. Там можно оставить весь скарб, даже, в нарушение всех правил, в ней перевозят и людей. Но про это никто не знает. В избушке

обычно есть железная печка, обложенная камнями, нары на несколько человек, стол и скамейки. В таком домике спокойно можно жить в любые морозы. Знай – топи печь. Опытные лесорубы, прожившие не один сезон в таком жилье, делали вокруг печки рамку, куда накладывают крупные камни. Когда печь топится, камни нагреваются и ещё долго хранят тепло.

Брат у меня, опытный охотник, сразу стал располагаться, как положено. Так, чтобы и хозяев не стеснять, и самим было удобно. Всё, что особо не нужно, он оставил в тракторе, а необходимое перенёс в избушку. На меня он внимания не обращал, решив, что, если хочешь сделать, как надо – сделай сам. Я сидел на широкой чурке, возле костра, вздыхая лесной дурман, немного разбавленный дымком от костра. Рассматривал табор, любовался лесом, одним словом – городской бездельник. Если сказать, что на таборе был порядок, то соврать на все сто процентов. Беспорядок был полный, как и в любом временном месте. Возле костра валялись какие-то банки из-под консервов, куски бумаги, крупно наколототые дрова. Какие-то «железки» от тракторов. И ещё много ненужного барахла. Весь этот хаос, как ни странно, говорил о нормальной рабочей обстановке. Не до порядка. Хватает и других дел. Брат взял ружьё и направился вниз по ручью.

– Пойдёшь со мной, или здесь останешься? – спросил он на всякий случай.

– Нет, я здесь побуду, – ответил я. Оставшись один, я ушёл куда-то в своих мыслях, инее замечал время. Оттуда, куда ушёл брат раздалась выстрелы. Я стал высматривать среди сплошного леса непонятно, что. У меня тоже было старенькое ружьё, но ради того, чтобы было. Охотник, я ни какой. Меня и не привлекало это действие. У меня были другие интересы. Но в лесу человек без ружья, словно одетый в бане. Мне дали с десятков патронов и ружьё, сказали, чтобы носил, а «заяц случайно затопчет», хоть отбиваться будет чем.

Вскоре послышался рёв трактора. Хозяева возвращались с работы. Я подбросил дров в костёр и поставил чайник. В принципе, я мог и ужин приготовить, но разговора на эту тему не было, а самому проявлять инициативу не хотелось.

Видавший многое на своём веку трелёвочный трактор Т-55, лесной трудяга, особенно в умелых руках, лихо крутанулся около избушки и замер. Мотор заглох одновременно с остановкой трактора. В одноместной кабине сидел Иван, главный в

этой компании. И на капоте ещё двое: Серёга Бельничёк и Вовка Лохматый. На капоте возить запрещено, там держаться не за что, но ходить пешком через лесосеку, занятие очень трудное. Особенно, после дождя. Все были мне знакомы, все жили на нашей окраине. Серёга был молодой баламут, раздолбай, какие встречаются редко. Небольшого роста, худощавый, с блуждающей улыбкой на лице. Вовка постарше, повыше и поспокойнее. Он был женат и имел маленького ребёнка. Иван, мой дядя, проработал всю свою сорокалетнюю жизнь в лесу. Он и рыбак, и охотник, и специалист на все руки.

– Ну, здорово, – сказал он, выглядывая из кабины.

– Привет. А ты почему пассажиров не пристегиваешь? – пошутил я.

– Там не за что. Не хотят так ездить, пусть пешком ходят.

– Ну, уж, хрен уж, – сказал Серёга. – Лучше пять минут потрястись на капоте, чем ноги ломать по лесосеке.

– Так тропинки бы сделали, и асфальт положили.

– Вы надолго? – спросил Иван.

– Нет, ночь переночуем, у костра посидим, да завтра к вечеру и поедем.

– Братеньник где?

– С ружьём пошёл. Даже стрелял где-то.

– Слышал, – сказал Иван, – здесь по ручью много рябчиков. А мы, как стемнеет, пойдём потрубим зверя. Ходит здесь, следы есть, я даже слышал пару раз.

– Хорошо. Сходим.

Трубить зверя, это значит имитировать рёв изюбря, или лося. Гон у изюбря немного раньше, чем у сохатого и сейчас было, как раз, его время. Разные охотники трубили по-разному. У некоторых были сделаны трубки, а другие, как Иван использовали ствол ружья. Из бересты вырезали манок, вставляли в ствол, отделив его от ружья, и гудели.

Нужно было точно подбирать тональность, ведь зверя не проведёшь. Если всё получалось правильно, то изюбрь выходил прямо на охотника, только стреляй. Но такая охота таила в себе много опасностей. Зверь, особенно сохатый, мог неожиданно выскочить прямо на охотника, а попадать под его копыта не резон. Волку голову раскалывает. Другая опасность, таится позади охотника. В это время, а гон происходит

с конца сентября, до конца октября, переходя от изюбря к лосю, медведь ещё не спит и тоже охотится за ними. И медведь спокойно может подобраться к охотнику, а там может произойти всё. Медведь не охотится на человека, если это не людоед, но от неожиданности может и порвать.

– Здорово лесорубы! Как успехи? Деляны, почему не чистим, не пройти ни хрена, – шутил мой брат, выходя из леса.

– Не шлейся, где попало, – сказал, улыбаясь, Иван. – Весь лес потоптал, всю дичь пораспугал. Чего палил?

– Да, пару рябчиков подстрелил.

– Есть рябчики.

– Пуганные, не подпускают близко.

– По-пластунски подползай.

– Ну, если только так. Берите рябчиков, может суп сварите.

– Возиться больше. Пойдём вечером, потрубим, послушаем зверя.

– Есть здесь? – сразу заинтересовался брат.

– Слышал пару раз.

– Труба есть?

– Сейчас сделаю. Иван пошёл к ближайшей берёзе и срезал кусок гладкой и ровной бересты. Вырезал два небольших лепестка, сложил их вместе. Потом залез в трактор и из кабины вытащил старенькое ружьё. Снял ствол, долго подгонял лепестки, потом поднял ствол вверх и дунул. И получилось. Прямо с первого раза зазвучало, как надо. Иван ещё несколько раз протрубил и вытащил лепестки. Собрал ружьё и поставил его у будки.

– Способный, – сказал брат.

– Я их переделал кучу, уже знаю, как надо, – улыбался Иван.

Вовка начал готовить обед. Он повесил ведро на костёр и пошёл за продуктами. Я тоже принёс всё, что мы привезли. Несколько пакетов супа, свежие помидоры, огурцы, зелень, пару банок тушёнки. Хорошо когда осень, всё свежее с огорода. Зимой похуже, хотя зимой проще с мясом.

– Может, из рябчиков сделать шашлыки? – предложил я.

– Делай, что хочешь, – сказал брат, – можешь и шашлыки.

– Для шашлыка надо «рогатых» рябчиков, – заметил Иван.

– А как из рябчиков шашлык делать? – вдруг заинтересовался Серёга. – Я никогда не слышал.

– Ты много чего не слышал. Вот сделаю, потом посмотришь.

– А где ты будешь жарить, у тебя ничего нету.

– Как нету? Есть.

– Что есть?

– Голова. А остальное не так важно. Мы разложили костёр между двух длинных чурок. Когда нагорят угли, они будут для нас мангалом. – Ты следи за костром, а я буду рябчиков мариновать.

Серёга сел так, чтобы можно было видеть, что я делаю, и смотреть за костром. Я снял с рябчиков кожу вместе с перьями. Две небольшие тушки на нашу компанию были малы. Поэтому Серёга и сомневался. Я разрезал рябчиков помельче, посолил, нарезал кольцами луку и поставил мариноваться. Вместо шампуров отколол от полена две длинные лучинки. Потом нарезал пластинками солёное сало, помидоры, лук. Потом я стал набирать на шампур по очереди сало, лук помидоры, рябчик, сало, помидор и так по порядку. Когда всё было готово, то получилось два хороших шашлыка, готовых к жарке.

– Ну, здесь же сало и помидоры, рябчиков совсем и не видно, – разочаровался Серёга. – Я думал и, правда, из рябчиков шашлык.

Все дружно расхохотались. Необычно было видеть обиженное лицо Серёги.

– Когда шашлык пожарим, сало растает, помидоры усохнут, один рябчик и останется, – сказал я. Все опять дружно засмеялись. Лишь Серёга разочарованно отвернулся от костра.

– Ты иди, добудь ещё рябцов с десятков, тогда наешься, – заметил Иван. – Правда ты стрелок никудышный, или ружьё у тебя кривое.

– Ты хочешь сказать, что я стрелять не умею? – засуетился Серёга.

– Стрелять, может, и умеешь, а попадать нет.

– Не хуже тебя.

– Конечно, хуже.

– А давай проверим? – «завёлся» Серёга.

– Давай, – согласился Иван.

Серёга принёс из будки своё оружие. Неплохое на вид, шестнадцатого калибра, ружьё выглядело неплохо.

– Куда будем стрелять? – спросил Серёга.

– Ты чем зарядил? – спросил Иван.

– А чем надо?

– Стрелять, так пулей.

– Давай пулей, – согласился Серёга и стал перебирать патроны. Наконец, он нашёл нужный патрон и зарядил.

– Куда стреляем? – спросил он. Иван посмотрел вокруг и указал пальцем:

– Вон, знак висит, попади в него.

Метрах в тридцати на небольшой пихте висел знак «Осторожно, валка леса». Посередине бы нарисован восклицательный знак, а внизу под ним была надпись. Размером он был, как обыкновенный дорожный знак.

– Отсюда попадёшь? – съязвил Иван. – Или подойдёшь ближе?

– Я с крыльца буду стрелять, – сказал Серёга и отошёл несколько шагов назад. Он приложил ружьё к плечу и стал выцеливать. Он долго целил, потом опустил ружьё, спустился с крыльца и вновь стал целиться.

– Хорошо, что знак прибитый, и не убежит, – сказал Иван.

– Серёга, ты что выцеливаешь, знак же на виду, – не вытерпел брат. Пока ты будешь целиться, тебя рябчики обгадят.

– Или коза забодает, – добавил Иван. – А если козёл будет, как бы конфуз не вышел, примет за козу и пристроится сзади. Опять раздался смех. Но Серёга, не обращая внимания, целился. Наконец, раздался выстрел. Пуля вошла в край знака, не повредив надписи.

– Давай ещё. С первого раза слабо, – хохотнул Иван. Серёга выстрелил ещё раз, выслушивая издевательства, пока целился. На это раз пуля попала в верхний край знака.

– Смотри, как надо, – Иван взял своё ружьишко, и почти не целясь, выстрелил. Его пуля легла рядом с первой пулей Серёги. Все опять захохотали.

– Ну, что лучше стреляешь? – ликовал Серёга, сам-то стрелок.

– Погодь, я специально так стрельнул, сейчас ещё бабахну, – заволновался Иван. Опять раздался смех. Вторая пуля легла рядом с точкой под восклицательным знаком. Не совсем точно, но по сравнению с Серёгой гораздо лучше.

– Дай-ка я, – не вытерпел брат. У него была двустволка, поэтому он выпалил один за другим. Обе пули легли рядом с точкой, но точки не коснулись.

– Ну-ка ты, – брак обратился к Вовке. Тот отстрелялся немного лучше Серёги.

– Теперь твоя очередь, – сказал Серёга мне.

– Серёга, да я и стрелять не умею.

– Ружьё есть, давай, – ему не хотелось быть последним, потому и была надежда, что я останусь крайним.

– Давай, не сачкуй, – поддержал его Иван, а то смеяться горазд.

– Как хотите, – сказал я.

Зарядив ружьё, я подошёл к крыльцу. Мне не стыдно будет, даже если и не попаду, я, ведь, не охотник. Как правильно стрелять, я знал с детства. Поднимаешь ружьё, сильно прижимаешь к плечу, наводишь на цель.

– Стой, – вдруг заорал Серёга, – ты куда будешь стрелять, что бы мы знали?

– Восклицательный знак видишь? Вот прямо посередине палки. Так пойдёт?

– Пойдёт!

Я снова быстро навёл на цель ружьё, затаил дыхание и плавно нажал крючок. Пуля вошла точно туда, куда я указал. Прямо последи знака. Конечно, это было дело случая, но случай в этот раз был в мою пользу. Серёга растерялся.

– Давай ещё раз, – предложил он, но я уже поставил ружьё.

– Чего зря палить, попал и ладно. Я направился жарить шашлыки. Серёга ещё стал приставать, но я показал ему, что угли готовы, и мне некогда. Пока я готовил шашлыки, все ещё по несколько раз выстрелили в знак, получалось близко, но не все сто.

Шашлык получился неплохой, особенно под стаканчик водочки, которую мы прихватили с собой. Много не стали брать, а для ужина бутылка в самый раз. За столом подшучивали друг над другом.

– Хотели Серёгу сегодня на охоту взять, но он стрелять не может, – сказал Иван.

– Сам-то, мазила ещё тот, – Серёга и не думал сдаваться.

– Что мимо палишь, ещё ладно, но целишься часа полтора. За это время тебе любая дичь тебе задницу покажет, если серьёзный зверь, так и сожрёт.

– Так идём сегодня? – спросил брат.

– Конечно, идём, – ответил Иван.

– Как шашлык, – спросил я Серёгу, рябчиком пахнет?

– Да ну, жареное сало с помидорами.

– Вот сегодня подстрелишь мясо, завтра сделаю хороший. У тебя здесь есть уксус?

– Нет, а зачем?

– Чтобы мясо было мягкое.

– И, что делать? – смутился Серёга.

– Мясо добывать! – сказал я. Все засмеялись.

– Серёга, как говорится курочка в гнезде, а ты уже мясо жаришь.

Посмеиваясь друг над другом стали собираться на охоту. Вечерело. Дотемна нужно было дойти до места. Минут через пятнадцать мы были на месте. На краю небольшой поляны, на огромной, давно поваленной ветром сосне, решили, устроится я и Иван, а брат и Серёга нашли себе место ближе к подходящей чаще.

– Дай твоё ружьё, – попросил Иван, – будем, гудет через него, а ты возьмёшь моё и поглядывай позади нас, может топтыгин подойти. Конечно, он не нужен, но его не спросишь. Пока мы приспособились, стемнело. Иван настроил свой «инструмент» и загудел. Рёв получился гармоничный. Не знаю, верный он или нет, но здесь он не резал слух. Мы стали слушать ночной лес. Тишина изредка нарушалась какими-то непонятными звуками. Но это было не то, что нам нужно. По крайней мере, мне не нужно было ничего, просто прислонившись к дереву, я наслаждался ночным лесом. В нём много разных шумов и шорохов, которые порождают страх и восторг. Иван ещё раз протрубил. И через минуту мы услышали в ответ, точно такой рёв, далеко-далеко. Это было совершенно неожиданно.

– Ты слышал? – спросил Иван шёпотом.

– Да, – шепнул я ему.

– Сейчас смотри внимательно, он может подойти с любой стороны.

Я всматривался в темноту, пытаюсь чего-то увидеть. Но ничего необычного не было.

Иван ещё раз протрубил, и опять был ответ, но далеко. Мы долго сидели и слушали. За это время начался небольшой ветерок, и лес потихоньку зашумел. И уже ничего нельзя было различить в шумах леса.

– Пойдём в избушку, сейчас уже ничего не услышишь, – сказал Иван и стал слазить с дерева. Он окликнул брата. Тот быстро откликнулся и вскоре подошёл. За ним Серёга.

– Слышал?

– Слышал, – ответил брат, – но далековато.

– Может немного неправильно и не пошёл.

– Пойдём назад?

– Пойдём. Мы пошли друг за другом, не отставая. Недалеко от избушки я вдруг увидел человека лежавшего на земле и светившегося зеленоватым светом. Это было неожиданно и немного неприятно. Я даже, немного приостановился.

– Чего, гнилушек не видел? – спросил Иван.

– Просто неожиданно.

– Первый раз струхнуть можно.

Мы подошли ближе. И, вправду, прямо на краю лежало сгнившее в труху дерево. Я ногой потрогал гнилушки, и ботинок засветился. «Надо же» – подумал я. И вправду, гнилушки.

Я догнал всех около избушки. Ветер начал всё больше усиливаться, и мы не стали засиживаться на улице.

Расположившись на нарах, мы настраивались на сон. Охотники, Иван и мой брат, обсуждали рёв, который мы слушали. Вовка спал, потому, что с нами не ходил. Серёга молчал. Я тоже не встречал в охотничий диспут, вслушиваясь во всё более усиливающийся шум леса. Ветер уверенно набирал силу. В избушке было хорошо, тепло и тихо. Вскоре и спорщики затихли. Кто-то стал потихоньку похрапывать. И вдруг раздался треск, скрип, и что-то с шумом упало.

– Пихта упала, – сквозь сон сказал Иван и повернулся на другой бок.

Утром мы увидели, что пихта, на которой висел расстрелянный знак валки леса, упала поперёк дороги.

Содержание

Как я не стал охотником	2
Как я в последний раз не стал охотником	5
Он и она	8
Звонок	11
Сказочный город	12
Корчага	14
Бинокль	18
Бекас	22
Хорошая техника	23
Митрошка	26
Тётя Хрося	28
Змеиный день	31
Сбросил	36
Хреновину	39
Серёга	42
Ромка и Рой	45
Осень	53
Новый старт	55
Я не могу без водки	71
Украли трактор	75
Шашлык	81

Вячеслав Архипов

РАССКАЗЫ